

Две параллели

Товарищ редактор!

Мы, старые рабочие-кадровики лесозавода имени Ленина, решили написать это письмо вот по какому поводу. Мы заступились, как и весь советский народ, на вахту мира и своим трудом отвечаем заокеанским поджигателям войны. Хорошо и с подъемом работает народ.

Вахта мира. В эти два слова можно вместить всю нашу советскую жизнь. Мы трудимся и воевали за свое святое право мирно жить и трудиться, мы строили и защищали постройное. Об этом мы говорили на заводском митинге, а один из нас, кадровиков, пилотстав Павел Петрович Анисимов, привел такой пример:

— То же самое, что американские захватчики задумали сейчас на 38-й параллели, пытались они устроить у нас тридцать лет назад на 64-й параллели. Но не вышло тогда. И не выйдет сейчас!

Мы читаем газеты, внимательно следим за событиями в Корее и видим: минувшие 30 лет ничему не научили американских империалистов. Правда, они вооружились теперь «летающими крепостями», но повадки остались прежние. Мы ведь помним, как пришли американские и английские интервенты на нашу советскую 64-ю параллель. И здесь жили они мирные селяне, и здесь зверствовали над людьми, и так же были жадны до чужого добра, как сейчас в Корее.

Мы решили написать это письмо, чтобы напомнить нашей молодежи то, чего не следует забывать.

Страшен был на Севере 1918 год — голодный, голодный. Контрреволюция отрезала нас от советской Родины, а своего хлеба мы тогда почти не имели. Ребятишки пухли с голода. Тогда, в июле, остановились на Северной Двине два американских парохода «Александр» и «Эбба». По городу пошел слух: «Американцы белую муку привезли, мясные консервы, 6000 пар сапог — помощь». Однако ни муки, ни консервов не дали. 6000 пар сапог, действительно, были, но — солдатские кожаные, и пошла она в поход по нашей земле.

Американские солдаты высадились 2 августа 1918 года. Начали военные действия и все еще прикидывались «дружбными», говорили о «помощи», о «свободе», точно, так же, как сейчас Труман танками, бомбами, крейсерами убивает в Корее мирных людей и кричит о «демократии». В первый же день, как американцы высадились в Архангельске, на всех заборах появились листовки:

«Мы торжественно заявляем, — было написано в листовках, — что наши воины вступили в Россию не потому, что мы хотим захватить хотя бы одну пядь русской земли, а для того, чтобы помочь вам...»

Рабочие сразу увидели, какая это «помощь». Как раз против нашего завода американцы обстреливали из пушек яхту «Горислава», на которой советские моряки ушли из Архангельска. Повредили яхту. Наши моряки пустились спасаться в плавание. Американцы стали безжалостно расстреливать их с берега. Двух мы спасли и спрятали у себя в 41-м бараке. После переправки к партизанам в лес. А сколько моряков погибло!

«Свобода» у интервентов была такая, что вскоре в архангельской губернской тюрьме стало тесно. Тогда они открыли пять новых тюрем и построили две категории: одну на острове Музиль в Белом море, а другую в Поканье на берегу Ледовитого океана. Это были в полном смысле слова лагеря смерти.

В августе 1918 года Владимир Ильич Ленин писал американским рабочим, что американские миллиардеры вжились больше всех. «Они награбили сотни миллиар-

дов долларов. И на каждом долларе видны следы грязи: грязных тайных договоров... На каждом долларе — ком грязи от «доходных» военных поставок... На каждом долларе следы крови...»

Эти слова будто написаны сегодня. Сколько крови летится сейчас в Корею из-за алчности американских миллиардеров, из-за долларов!..

По санному тракту танулись в Архангельск со всех окрестностей конные обозы. И тащили сани по глубокому снегу крестьянская «мобилизованная» лошадка. На саях — горы пшеницы, мекон, льна, а сверху развалился в спальном мешке какой-нибудь американский офицер. «Делает деньги!»

Понаехало тогда в Архангельск множество коммерсантов. Да и почти каждый американский солдат занимался коммерцией. Из Архангельска табулись за океан морские караваны с уворованным русским лесом.

Мы помним все. Американские офицеры зверствовали. Десятки американских самолетов действовали на одном только Северо-Двинском направлении. Бомбили мирные города и деревни. Топили катера с ранеными. Жгли посевы. Выжигали леса. Убивали стариков и детей. Чего не удавалось нагнать, старались уничтожить. Всасывая хотели загнать народ. Но разве народ запугаешь!

Если продолжить нашу историческую параллель, то надо вспомнить и бесслышной конеп американской интервенции на русской земле. Надо рассказать о страхе американцев, о том, как они крохали день и ночь, боясь возмездия. 20 тысяч солдат было у интервентов, а у Красной Армии на Севере — 4 тысячи, и все равно они боялись наших. С первых дней весь народ встал против захватчиков, пошел в партизаны, в Красную Армию.

В общем, вышла неустойка и у американцев, и у англичан, и у всех прочих пришельцев. Погибли их с нашей землей.

Помнится, ночью спешно грузили пароходы. Тромпы набили досками, на палубу поставили катера, а внутри — пушину, лен. Город опустошили. Завод разорвали. Ушли.

Тем и закончилась интервенция на 64-й параллели.

Заржавленный английский танк сейчас выставлен на доматом помосте. В музее хранятся американские каналы-ручнички — память о каторжных тюрьмах, а близ нашего Большого театра, на берегу Северной Двины, высится гранитный обелиск: «Жертвам интервенции 1918 — 1919»; на нем много имен наших северян, расстрелянных, замученных, заживо погребенных интервентами.

Но имя мира встали мы сегодня на трудовую вахту.

Наша профессия — немаловажная. Если подсчитать, сколько школ, клубов, больниц, сколько жилья мы выстроили своим лесом, то покажут, получились большой город. Особенно, если учесть, что за годы советской власти производительность завода повысилась в десять раз. Пятилетку мы закончили 2 ноября 1949 года — за 3 года и 10 месяцев.

В заключение своего письма хотелось бы нам снова вернуться к «нашей исторической параллели. Пусть так же сгинут американские интервенты с корейской земли, как сгинули они с нашей. Народ, борющийся за свою свободу и независимость, победит!

Мы надеемся, что американским захватчикам и на Корейском полуострове предлет скорый конец. Героический корейский народ сбросит их в море.

Старые рабочие-кадровики: пилотстав П. АНИСИМОВ, браковщик К. ПОСТНИКОВ, зав. конным двором М. ШАБАШЕВ, главный механик Н. МОРЕВ АРХАНГЕЛЬСК

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 62 (2653)

Суббота, 29 июля 1950 г.

Цена 40 коп.

УРОЖАЙ 1950 ГОДА

От корреспондентов «Литературной газеты»

Иван ЕГОРОВ 1. НА ПОЛЕ КУЛИКОВЫХ

— Ой, скаженные эти Куликовы, не пойдешь к ним, не пойдешь. Будто приросли к машинам. Скажите, люди добрые, как мне накормить Куликовых? Ночь на поле, а у них с полдня маковой росинки во рту не было.

Бригадир кухарка Вера Шабанова шагает по стерне, держа в обнимку посуду, прикрытую стеганой боженой, чтоб не простыл борщ. Час тому назад, при первых сумерках, она стала на пути агрегата Куликовых — хоть зарежь, не сойдет с места. И вот пошла грохочущая громадина — два комбайна на крюку дизельного трактора. Ослепительным светом обдало Вору. Тракторист Беседин высузился из кабины, махнул рукой: мол, посторонись, Вера Александровна! Она не посторонилась. Тогда над штурвалом первого комбайна поднялась рука Натальи Куликовой — посторонись! И над вторым комбайном поднялась рука. Там стоял Николай Куликов, муж Натальи. А над ним начальник агрегата, старший брат Николай, Иван Захарович Куликов. Прошли, прогмедали, не остановились.

Пшеничное поле Куликовых огромное — туда два километра, отсюда два. Много раз за вечер становилась под фарами бригадная кухарка: убагала на стан, разогрела великолепный мясной борщ и вновь появлялась перед агрегатом, — никакого успеха!

Грузовик, вынырнув из темноты, порывался с Верой. Шофер-зерновоз, замедляя ход, приторчал к кабинке.

— Ну как, пех питания, действуешь? Нет? Садись, мы их догоним. Говорить, порядка никакого нет? Порядок есть, Вера

Александровна, все по графику. Я сегодня уже двадцать девятый рейс делаю.

— Это не твоё дело, товарищ Тумашев, — горестно говорит кухарка. — Ты начальник.

Тумашев — помощник бригадира пятой тракторной бригады Сениглевской МТС. На его обязанности техническая консультация и помощь при ремонте. Но у этих Куликовых за всю уборку ничего не случилось. Они предвзятый медкий ремонт за сутки вперед. Сообщают учётчику Боксаеву, он передает по рапино табличку Куликовых и назначает время исполнения. Точно в назначенный час у агрегата Куликовых появляется участковый механик Николай Часовской, вручает детали и уезжает. Помощник бригадира Тумашев заскучал от неогорки и стал зерновозом.

Кухарка опять одна в поле. Неподаёшь в темноте кто-то пост. Это Маша Чумаченко, дежурный волозов. Были ее дремлет. Маша сидит на бочке. Она узнает кухарку, спрашивает:

— Покормила Куликовых?

— Нет, не покормила. Опять не остановилась, а ведь маковой росинки во рту не было.

— Была, — заверяет Маша, — росинка была: а их водой поила.

Кухарка вздыхает.

— И что только с народом делается после митинга, как железные стали. К котлу не дозрешешь. Придется их снова пышками кормить. Заберешься на комбайн — сунешь каждому Куликову пышку за пазуху, тогда ему уже деваться некуда. Съест, а машины все равно не оставит.

Снят Куликовы тут же у машины, на колнах соломы. Здесь и застал я эту спокойную, тихую и веселую семью.

— Некоторое напряжение в работе, конечно, есть, — признал старший Куликов. — Я думаю, есть оно и у Константина Борина. Без этого нельзя. Мы же поливались под Возвращением мира и выставили двойной график: давать две нормы в день. А тут вылезли два дождливых дня. Пришлось их перекрыть, чтобы в среднем было не меньше двух норм. Как же иначе?

...И вот оголилось поле Куликовых, а площадью оно в 721 гектар. За восемнадцать дней оголилось все поле колхоза, и на его бригадные тока паши 167 тысяч пудов великолепного зерна. Куликовы опираются от пыли и обследуют свои комбайны. Сегодня машины будут поставлены под навес такими же, какими они были в первые дни уборки.

— Вот так нынче наш народ владеет техникой, — восхищается Тумашев. — Механизаторы у нас, можете записать, это всегда активные штыки. Помню, мы в Порт-Артуре развязались японцам, что такое активные штыки. Они понимают. Они говорят: легче сражаться с пятью американцами, чем с одним русским. А разве это не верно? Наш народ — что в труде, что в бою одинаков. А качество работы какое? Попробуйте, найдите колосок на загонках, пройдитесь-ка по полю Куликовых...

СЕНИГЛЕВСКАЯ МТС, Ворошиловского района, Ставропольского края

Мих. СОКОЛОВ 2. ИДЕТ ДОНСКАЯ ПШЕНИЦА

По бескрайним солнечным просторам Дона день и ночь идут машины на заготовительные пункты. Везут хлеб нового урожая. Ни одного вола, ни одной подковы на дороге. Хлеб обрабатывается машинами и перевозится машинами.

Советский Дон образцовый уборкой урожая голосует за мир. Рабочие совхозов, колхозники, водители машин, грузчики заготовительных пунктов ставят свои подписи под Стокгольмским Возвращением и несут стокгольмовскую вахту мира.

Мы побывали на одном из заготовительных пунктов Кагальницкого района. Район выполнил годовой план хлебостояк преимущественно озимой пшеницей. В невиданно короткий срок рассчитались с государством колхозы им. XVII партизанца, имени Сталина, им. Кагановича, совхоз «Кагальницкий» и другие.

Заготовительный пункт уже отправил первые эшелоны донской пшеницы в Москву и другие города. А хлеб все везут и везут.

— Никогда еще так дружно не везли, — рассказывает директор пункта В. Трофимов. — Разгружаем машины в два раза быстрее, чем положено. Делаем ана-

лиз зерна за две, три минуты. Ссыпаем хлеб транспортерами. Большие соревнования идет между колхозами. Каждый хочет выполнить план первым, потому что считает сразу хлеба государству борщом против поджигателей войны.

Хлеб идет день и ночь.

Донская пшеница! Солнечные злаки, ядреные, чистые, как золото. Откуда она в таком количестве здесь, в суховейных Сальских степях? До революции 40—60 пудов с десятины считалось явлением необыкновенным. Такие урожаи собирали помещики, да и то не все. А вот советские земледельцы преобразили засушливые степи. Сталинские тракторы подняли пугами вековые пласты пашни. Социалистическая наука обогатила советских людей знаниями. Колхозный строй вывел хлебороба-труженика из нужды и сделал явью вековую мечту о крестьянском счастье.

Большинство колхозов в Кагальницком районе намолотили пшеницы вургувою по сто пудов с гектара. И какой пшеницы — по качеству она далеко превзошла каналскую.

И это еще не все. Колхозники уверенно

поговаривают о том, чтобы в будущем году собрать урожай по 200—300 пудов с гектара.

Десятью девять процентов урожая убрано в этом году в Кагальницком районе комбайнами. Миллионы пудов хлеба перевезли на заготовительные пункты автомашинами. До революции хлебороб с семьей в четыре человека получал от земли в месяц 15 копеек «дохода». Сегодня колхозник Кагальницкого района с семьей в четыре человека получает в среднем авансом на тридцать 250 пудов зерновых — пшеницы, главным образом. Вот что дала советская власть земледельцу! И колхозники благодарят партию и правительство, любимого и родного товарища Сталина тысячами, миллионами пудов хлеба.

Бескрайние степи Дона озарены солнечным светом, светом жизни. Как корабли, плывут по степи комбайны. Меж ними свистят машины, нагруженные золотым зерном, они выходят на грейдерские дороги и мчатся к заготовительным пунктам, к элеваторам.

СТАНЦИЯ КАГАЛЬНИЦКАЯ, Ростовской области

Вал. РЕЧМЕДИН 3. ТРУД МИР БЕРЕЖЕТ

Всюду — в безбрежных степях Запорожья, на Полесье, где колхозные нивы вкраплены в изумруд крамучих дубрав, в предгорьях Кавказа и на Польшахине, всюду, где народ собирает богатую жатву, слышатся решительные голоса:

— Мир победит войну!

Каждая подпись под Стокгольмским Возвращением скрепляется поистине золотой печатью — зерном нового урожая. Вдохновенно трудится народ Украины, чтобы чаша мирного созидательного труда перевесила чашу войны.

— Какой урожай, поглядите! — говорит старый колхозник Леонтий Пашей из коженского колхоза им. Кагановича, широко жестом указывая на желтую с золотистым отливом пшеницу, могучей лавиной разливавшуюся по холмам. — Урожай сам-двадцать, не менее. А, может, и выше.

Нашему бригадире, пожалуй, золотая звездочка снится. О таком урожае с сорок пятого года думали, когда на полях одни молотилки да мы, старики, работали... Между прочим, в сорок пятом году получила я письмо от брата из Америки. Писал он, — да вот почитайте сами, эти места.

Леонтий протянул мне письмо брата, тридцать лет назад уехавшего в донских работах в Америку. Брат писал:

«Слыхал, что вы в Советех переживаете большие трудности, голодаете, пшину газетой, — в десятилетие не оправитесь. Да и нам, фермерам, здесь, в Америке, тутовато приходится. Поверьтесь, иногда так припечет, что вместо хлеба даешь детям жевательную резинку». И далее приписал: «Извести, брат, в чем нуждаешься. Соберу посылочку».

— И отгорчло и рассмешило меня бра-

товое письмо, — продолжал Леонтий Пашей. — Ответил ему в Миссисипийский уезд. Спасибо, мол, за привет, а от посылок воздержись. Какая уж там помощь от тебя, если я сам режину жуею. А о нас не волнуйся в газетам пашкам не верь. Мы еще такую пшеницу вырастим, что паны, которые брешут про нас в газетках, от злости перевернут. И вырастят, смотри, какую пшеницу вырастят. Наша пшеница мир бережет!

Слова старого колхозника из артели им. Кагановича как нельзя лучше выражают мысль и настроения всех, кто в эти дни под горячим солнцем Украины трудится на ниве. О самом дорогом и прекрасном на свете — о мире — мечтают миллионы творцов урожая.

КИЕВ

Расул ГАМЗАТОВ СТИХИ ОБ ОГНЕ

Вся Корея бомбами изрыта, И поля, и хитанья в огне, Потому что птицы Уола-стрига Реюг в азиатской вышине.

Трумяна летящая крепость! В памяти прошедшее крамя, Знает мир, как вспыхнула свирепость Твоего безумного огня.

Это пламя родилось в подвале Захудалой мюнхенской пивной, Книга в этом пламени пылала — Маркс и Гейне, Горький и Толстой.

Фонарем мерцало при проверке Документов, прорезая мрак, Или в сумасшедшем фехтерверке Пожирало с яростью рейхстаг.

Не погасла до сих пор обнда В сердце абиссинских пастухов, До сих пор горят в глазах Мадрида Отсветы багровых языков...

Я слал стихи о Дагестане, О садах в моей Махач-Кале, О щедротах золотой Кубани, О заветных звездах на Кремле.

Но дошли в явное до России Языки разбойного огня: Он дотла сжигал поля родные, Отнял он двух братьев у меня.

Это пламя черных злодеяний Помнят каждый город в село, Это пламя груди бесстрашной Таши В маленьком Петрищеве сожгло.

И до помрачения рассудка Даже самых диких палачей Это пламя вспыхивало жутко В тайных топках газовых печей...

Дней войны величие и суровость, Назову свидетелями вас: Каждый, в ком живут и честь, и совесть, Знает, кто весь мир от смерти спас!

Но откуда честь у господина Трумэна? Закон везде один: Невозможно вылить из кушнина То, чего не налили в кушнина...

Пусть себя украсит бомбовозы Флагами всех красок и мастей, — Знает мир, какого цвета слезы Матерей и раненых детей!

Мы о птицах судим по полету: Знаем, мудреные войны, Из каких печей вы достаете Тот огонь, что губит шар земной!

Слушайте, что говорит Корея, Напряга мускулы свои, Пламенем бессмертным пламенея Мира и свободы и любви:

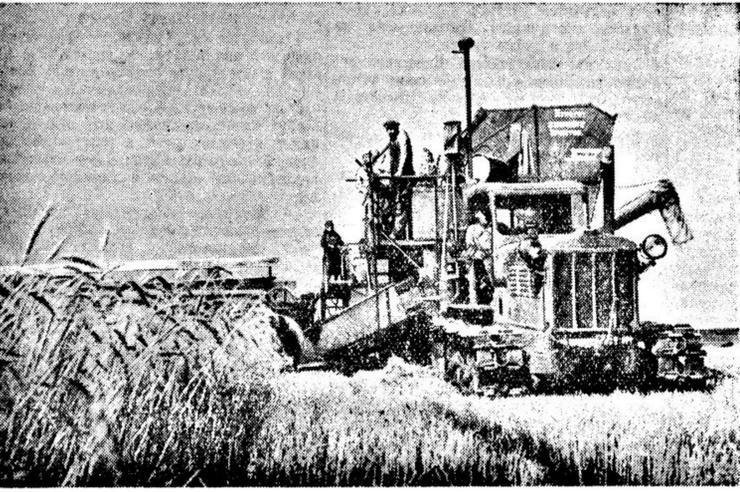
«Помните, продажные министры, Вы, с клеймом злодейства на челе, Наше пламя выросло из искры, Лениным зажженной на земле».

Мы сердца отважные сумели Жаждой справедливости зажечь, Чтобы никакие параллели Нашу землю не могли расцезь.

Зря вы шлете танки через воды, Войско отправляете в догон! Рядом с чистым пламенем свободы Жалок, слаб ваш атомный огонь.

Мы за счастье биться не устали, Нам нельзя убит, сломить, согнута: Факел мира крепко держит Сталин, Всем народам освещая путь».

Перевел с аварского С. ЛИПКИН

Страдная пора на полях Краснодарского края. Комбайны ведут уборку колхозного урожая 1950 года. В умах руках штурвала стальных кораблей. Агрегат И. Пустовалова из Михайловской МТС убирает за смену 25—27 гектаров озимой пшеницы на полях колхоза им. Ворошилова. Урожай вырашен на славу — 20—23 центнера с гектара.

НА СНИМКЕ: комбайн И. Пустовалова на поле колхоза им. Ворошилова.

Фото В. ХЛОМОВА

Международные

ОТКЛИКИ

ПЕРИМЕТР МЕНЯЕТСЯ...

На днях генерал Макартур представил Совету Безопасности доклад. Бодрясь, Макартур заявил, что «территория, занимаемая войсками США в Южной Корее, представляет собою надежную базу». Однако, внезапно утратив бодрость, генерал кисло промямлил: «Весьма вероятно... изменение периметра этой территории».

Желая предотвратить это предстоящее «изменение периметра», обещанное «бледнолицым микало», г. Труман предпринял пожарные меры: в маршиализованные страны срочно отправлены вербовщики пушечного мяса.

Именно с такой миссией отбыл в Анкару в качестве «гостя» член комиссии по делам вооруженных сил американского сената Кейн. В Турцию сенатор приехал столь смиренно клячась «хотя бы немного войск», что даже вызвал удивление: глядите, барский приказчик приехал, а не приказывает, не кричит — молот. Но чего не сделаешь, когда нужна заест.

Не так давно журнал «Юнайтед стейтс Ньюс энд Уорлд рипорт» писал: «Американские эксперты в Турции считают, что турки излишне самоуверенны. По мнению эксперта, потребуется по крайней мере три-четыре года, чтобы турки овладели современным оружием, присланным из США».

Господин Кейн иначе отнесся к этой теме. «Турция и ее солдаты», — заявил он, — за последние три года показали чудеса в деле освоения американского вооружения». Не поспешил Кейн на комплимент! Он долго уверял, что «мировой престиж Турции поднимается, если она получит помощь Соединенных Штатов». И, наконец, со слезой в голосе многообещающе объявил: «Если Турция пошлет в Корею хотя бы немного войск, то это является рекомендацией для нас при присоединении к Атлантическому пакту».

И вот помощь американским агрессорам, завладевшим в корейской авантюре, предоставлена. Кабинет министров под председательством президента Турции Джелаль Баира принял решение направить в распоряжение Макартур... 4.500 турецких солдат. Господин Кейна терзает сомнение: усуржит ли это солидное подкрепление в безысходном состоянии периметр или не усуржит?

КАРБЕРА ЭНЬЮРИНА БИВЕНА

«Не созывайте ваших конференций мира в Лондоне. Мы не нуждаемся в них», — с этими словами обратился несколько дней тому назад к собранию горняков в Дареме английский министр здравоохранения Эньюрин Бивен.

Речь г. министра была сдобрена антисоветской клеветой и примитивной ложью по адресу борцов за мир в Англии. Повторя американские басни о событиях в Корее, Бивен старательно подпевал г. Асесову. Надо отнять должное английскому министру здравоохранения: в стремлении выслужиться он на этот раз не уступил Эттли, Бевину и другим зубрам лейбористской партии.

Карьеры английских лейбористских индлеров делаются, в общем, по одному стандарту. В молодости эти политиканы оттачивают дань левой фразе. Затем приходят, так сказать, пора зрелости; она совпадает с тем моментом, когда им, наконец, удается пробраться на достаточно заметный пост в тух-июнах или занять место на депутатских скамьях в палате общин. — в то время левая фраза отбрасывается, как неуживчивая ветвь. Короче: путь в аттлы и бевны, морсоны и макнейлы лежит через политическую проституцию и предательство.

Карьера Эньюринна Бивена не составляет в этом отношении исключения. Он подался на политическую авантюру в годы между двумя мировыми войнами, когда Эрнест Бевин уже прочно сидел в руководстве лейбористской партии и имел сложившуюся репутацию правого индлера. Бивен быстро оменял положение; он понял, что ему бесполезно тягаться с признанными лейбористскими руководителями, если он будет похож на них. И Бивен стал закоренелым «оппозиционером» в рядах партии.

Избранный депутатом парламента, Бивен, в отличие от других, стал прибегать к левой фразе даже еще чаще, чем прежде. В 1939 году его даже исключили за «бунт» из лейбористской партии, впрочем, ненадолго, так как Бивен совсем не хотел поворачивать со столпами лейборизма и тут же попросился обратно.

В годы войны он выступал против коалиции лейбористов и консерваторов, критиковал политику Черчилля и со страшной еженедельницей «Трибун» ратовал за второй фронт, делая реверансы по адресу Советского Союза и его армии.

Он привычно спекулировал на чувствах простых людей Англии, как спекулировал на своей «оппозиции». Она, эта «оппозиция», кончилась в тот самый день, когда Эньюрин Бивен стал министром лейбористского правительства и членом тайного совета. С тех пор, с 1945 года, констатировал его биограф Ф. Уильямс, «Бивен сильно изменился. Сейчас он совсем другой человек».

Но так ли это? Правильнее будет сказать, что Бивен перестал «бунтовать», получил слухную пену за свое предательство.

Теперь «левый» Эньюрин Бивен действует, как родной брат правого Эрнеста Бивена, рядом с которым он заседал и в исполкоме лейбористской партии и в кабинете министров. Он господствует за исключением из лейбористской партии участников движения сторонников мира.

Теперь Эньюрин Бивен мобилизован лейбористским руководством для проведения кампании против борцов за мир.

Теперь он одобряет преступную кровавую авантюру американских агрессоров в Корее. Возмущается, Бивен «не нуждается» в конференциях мира. Ведь он откровенно заявил о себе, как о поджигателе новой войны.

Такова логика социал-предательства.

ЛИТЕРАТОР

МАШИНЫ И ЛЮДИ

Это очень просто, сидя за письменным столом и поглядывая через окно кабинета на огни большого города, написать: «...Остальные марки плугов, а именно: ТП-3, ТП-4... не могут быть использованы с предплужниками».

Но как же получить подобное заключение в далекой кубанской МТС, когда из пятидесяти плугов, которыми она располагает, тридцать два — именно марки ТП-3 и ТП-4, когда весна приближается и надо готовиться к пахоте, а пахота нужна обязательно с предплужниками.

Разъяснение, озадачившее работников МТС в феврале прошлого года, исходило от Всесоюзного научно-исследовательского института механизации сельского хозяйства (ВИМ) — организации, которая призвана не только создавать новые сельскохозяйственные машины, но и изыскивать способы наиболее рационального использования тех, что уже работают. По ВИМу выходило, что тракторные плуги старых марок не годятся для работы с предплужниками. Между тем в стране таких плугов десятки тысяч.

Старший механик Платиновской МТС М. Сидоров несколько раз перечитал циркулярное письмо ВИМа. Совершенно нет. Заместитель директора института Краснов, руководитель лаборатории почвообрабатывающих машин Никифоров, старший научный сотрудник Минин со всей решительностью выносили смертный приговор плугам старых марок.

При всем своем уважении к работникам института механика Сидорова не хотелось, не мог согласиться с их заключением. Он засел за чертежи, расчеты и довольно быстро нашел выход: потребовалась небольшая переделка рамы, нужно наставить подуметровый кусок полового железа — и предплужники можно будет крепить к плугам ТП-3 и ТП-4 с таким же успехом, как ко всяким другим.

Вместе с механиком Сосоровым Сидоров переделал плуг. Расчеты подтвердились. Вопреки утверждению института, Платиновская МТС сумела вооружить предплужниками все свои плуги старой конструкции. Самая важная задача советской революционной агрономии, как писал академик Вильямс, — введение культурной вспашки плугом с предплужником — была с успехом решена в районе.

Но ведь один район ничего не решает. Плугам с короткими рамами в каждой машинно-тракторной станции десятки. Если люди не узнают о нашем опыте, то плуги будут бездействовать, — хорошо, по-советски забеспокоился механик Сидоров. Погрузив один из переделанных плугов на грузовик, он повез его в краевое управление сельского хозяйства.

В краевом управлении поняли, какую огромную роль может сыграть новаторское предложение Сидорова и Сосорова в борьбе за выполнение постановления февральского пленума ЦК ВКП(б) о полном переходе на пахоту плугами с предплужниками. Механики всех МТС Кубани были вызваны в Краснодар. Им показали переделанный плуг, разъяснили, как осуществить переделку, снабдили чертежами.

Весте о начинании Краснодарцев разлетелась далеко по всему Северному Кавказу. Что ни день, в вестибюле краевого управления сельского хозяйства, где плуг, переделанный Сидоровым, был выставлен для всеобщего обозрения, появлялись представители из соседних краев и областей. Их тоже снабжали чертежами.

В начале весенних работ 1949 года на Кубани было переоборудовано около пяти тысяч тракторных плугов. Тысячи плугов старой конструкции работали в ту весну с предплужниками и на полях Придонья, Ставрополья, Осетии, Дагестана.

Всесоюзный институт механизации сельского хозяйства долгое время оставался в стороне от этой большой работы, не проявляя никакого интереса к тому, что делается на местах.

Наконец, осенью 1949 года, через много месяцев после того, как переделка плугов по методу Сидорова была признана и осуществлена, на Кубань пришел из Мо-

сков номер журнала «Машинно-тракторная станция» со статьей «Как приспособить тракторные плуги ТП-3 и ТП-4 для работы с предплужниками». В ней руководитель лаборатории почвообрабатывающих машин ВИМа П. Никифоров, тот самый Никифоров, который категорически утверждал в циркулярном письме, что к плугам старых марок приспособить предплужники нельзя, сейчас отстаивал прямо противоположное мнение. Ни словом, ни одним звуком не упомянув о широком общественном предложении механика Сидорова, П. Никифоров, вконец сговорившись с Платиновским, сообщали о том, что «лаборатория почвообработки ВИМа разработала простой способ переделки плугов марок ТП-3 и ТП-4 для работы с предплужниками». Далее — описание способа.

«Способ» Никифорова и Платиновского поразительной точностью совпадал с способом платиновского механика. Разница была лишь в одном: то, что у Сидорова было предельно просто и доступно, у работников ВИМа было усложнено.

Мы не будем сейчас разбираться в том, является ли «способ» Никифорова и Платиновского прямым плагиатом или нет. Пусть выяснением этого займется Министерство сельского хозяйства СССР, которому подведомствен ВИМ. Но одно бесспорно: если даже в институте самостоятельные додумались до того, что уже было успешно разработано и применено Сидоровым, то и в этом случае лаборатория почвообработки плетется в хвосте у жизни, у практики.

Отрыв от жизни, от практики — самый большой порок, каким только может страдать научное учреждение. В системе Министерства сельского хозяйства он, видимо, присущ не одному ВИМу.

В Краснодаре, в центре богатейшего сельскохозяйственного края, расположен Всесоюзный научно-исследовательский институт масличных культур. Он имеет большие достижения в области селекции этих культур и ничтожно малые — в области механизации их обработки и уборки.

В течение пятнадцати лет (I) Институт масличных культур, а затем также и Институт сои и клеверницы пытались создать специальную машину для уборки и обмола та клеверницы, но у них так ничего и не получилось. А работники кубанских машинно-тракторных станций — инженер С. Косачев, механик А. Куркин и И. Бабасев, комбайнеры Н. Черныш и Н. Милащенко, взявшись прошлой осенью за это дело, решили идти по другому пути: не мудрить, не выдумывать сложных конструкций, а приспособить для обмола та клеверницы обычный комбайн.

Проблема механизированной молотбы клеверницы, над которой ученые мужи двух институтов тешно бились годами, была за короткий срок блестяще решена практиками машинно-тракторных станций.

И уборку клеверницы комбайном тоже уже можно считать делом решенным. В прошлом году комбайнер Переславской МТС, Герой Социалистического Труда В. Давыденко приспособил для этого комбайн и убрал им 250 гектаров клеверницы. В нынешнем году он готовит свою машину к тому, чтобы убирать и молотить клеверницу одновременно.

Каждая из рассказанных историй по-своему поучительна. Но обе они говорят об одном: о великодушном инициативе кубанских механизаторов и о неправомерном, порочном стиле работы некоторых сельскохозяйственных научно-исследовательских институтов. Нельзя замалчивать в стенах лабораторий, нельзя работать в отрыве от жизни. Иначе получится тот конфуз, какой случился с работниками Института механизации сельского хозяйства, та невольность, которую, без сомнения, испытывают ученые конструкторы институтов масличных культур, отставшие от рядовых труженников машинно-тракторных станций.

КРАСНОДАР

В Керченский поселок на Верхней Каме, где расположен крупнейший сплотовый рейд, я попал с оказией за полночь. Мощный катер, буксировавший новенькую, остро пахнущую смолой оряну — так называют здесь небольшие плоскодонные баржи, — причалил к правому крутому берегу, заставленному судами и лодками самых диковинных форм.

Рулевой бросил мотористу в переговорную трубу коротенькое, приглушенное «Стоп!», и, кивнув в сторону реки, сказал: — Вот и сядь! Дальше судам ходу нет. Каму еще вчера перекрыли генеральной запанью.

Шобырчатая карта открылась перед нами. Два городка — молчаливые, безлюдные в этот поздний час белой северной ночи. Один лежал на реке, другой стоял на берегу.

То, что рулевой назвал запанью, оказалось целым лабиринтом загадочных сооружений. Вся участок Камы, длиной километра в два, был использован деревянными дорожками, по которым на тротуарах. Приглядываясь, можно было различить строгую систему коридоров. Некоторые из них, широкие, перекаченные изысканными арочными мостиками, тянулись вдоль русла, другие, поуже, уходили вправо и влево под острым углом. Низко по течению, на длинных понтонах, темнели тяжелые рамные остовы каких-то машин. Тут же, казалось, прямо в воде, стояли аккуратно срубленные, с обшитыми фронтонами, мирные домики, каких сотни в лесных поселках Верхней Камы.

Утром я снова вышел на берег. На реке потрепанное было тыло. Но городок на воде при дневном свете утратил свои фантастические очертания. Тротуары оказались боками — отражениями из бревен, поверх которых настилали доски. Домики, где устроены котельные мастера и уютные комнаты отдыха, стояли не в воде, а на плывучих железных бочках.

Городок на берегу представлял не меньший интерес. Можно было залюбоваться отлично сработанными брусковыми домами, в которых живут сплотовики, формовщики, сортировщики. Мне пришлось побывать в таком домике у лучшего сплотовика рейда, коммуниста Василия Ивановича Степачева, который в прошлом сезоне добился рекордной выработки на советской сплотовой машине «ВКФ-16». Василий Иванович с семьей занимает половину дома, только что отстроенного на новой, вышерейдовой для один год, улице. Просторная квартира обставлена на городской лад.

— Это только так кажется, что сплав — дело сезонное, — рассказывал мне Василий Иванович. — Я вот четыре года тут здесь: перерыв был только, когда уходил на фронт, а без работы не сидел ни одного дня. Сезонников у нас даже летом раз-два, и обчелся. Все кадровые рабочие...

В труде и быту советских сплавщиков проносятся также разительные перемены, что старые, почерпнувшие из книг представления о сплаве не подходят даже для сравнения. На Керченском рейде, заложенном в годы первой сталинской пятилетки, живут и трудятся круглый год подлинно индустриальные рабочие.

Зимой здесь сплотивали пять морских «скаг», которые ушли ранней весной, по большой воде, прямо на Каспий. Камская морская «скага» придумана в предвоенные годы. Это небольшой, по здешним понятиям, плот, равный по объему железнодорожному составу с лесом. Плот круглый, жесткой конструкции, с глубокой осадкой. Концы его сужены, и по форме он, действительно, напоминает скагу. Она способна выдержать морской шторм, и ее без обычной переделки в Астрахани отправляют прямо до Баку, Краснодарска или другого каспийского порта.

Зимой керченские сплавщики, не занятые на сплоте, ремонтируют машины и суда, готовят наплавные сооружения, строят жилища. Сейчас возводится дом культуры: старый клуб тесноват.

Позднее следующего дня пришел лес, вывешенный «модем» с верховых прытков Камы. На бонах и мостках, у машин и генеральных ворот заперели сотни разноцветных платков и мужских кепок.

Когда все кругом ожило, заработал конвейер. Да, это конвейер. Отличается он от заводского лишь тем, что тут у людей нет крышки над головой, да транспортной лентой здесь служит водный поток — его нельзя ни убыстричь, ни замедлить. Впрочем, и реку можно переключить...

Итак, конвейер запущен. Огромный продолжный «мешок», вмещающий сто железнодорожных вагонов леса, заполнен до отказа. Широкий конвейер, которым заканчивается «мешок», упирается в поперечную генеральную запань. Это четыре стальных трусы, толстой канькой в человеческую руку. Они натянута поперек реки и поддерживают на плаву плотники, которые одновременно препятствуют прорыву леса вниз. Выше лежат еще четыре вспомогательные запани. А вообще владения рейда-гиганта тянутся по Каме на 120 километров.

В передомом мостике, переброшенном через генеральную запань, открылись трое ворот, и лес пошел вниз по трем широким коридорам. А там на мостках, вооруженные баграми, жут его сортировщики. Они должны точно определить сортмент каждого бревна и направить его в соответствующий боковой коридорчик, который здесь называется двориком. (Нельзя путать сортмент с сортом — сплавщики, ревизию обеспечивающую чистоту своей терминологии, не простят вам этого. Сорт определяет качество древесины, сортмент — ее назначение). Вот в этот дворик идет баланс — его ждут на бумажных комбинатах, в поселках — рудничная стойка, в следующем — пиловочник.

Наконец, партия древесины достигла широкого коридора, ведущего к сплотовому мосту. Подвижной мост захватывает машины стойками бревна, идущие поперек реки, и гонит их вперед, в неподвижному мосту. Мгновенное сжатие — и длинный ряд бревен превращается в чулок. Его обвязывают проволокой и пускают вниз. Ниже машин лежит формовочная сетка. Здесь пучки, сращенные по два, сводятся в ленты длиной по 400 метров. Лента — составная единица будущих плотокарававов, которые формируются на других, ниже лежащих рейдах. С Керченского рейда ленты уходят мощными катарами.

Вечером в кабинете директора рейда, инженера Александра Яковлевича Сафонова, подвизались итоги дня. Рейд начал работу гораздо раньше, чем предполагали, и дело идет не хуже, чем в предыдущую навигацию. Но веревки притоки Камы раньше обычного пошли на убыль, и необходимо принять поскорее весь лес, иначе он обсохнет.

Надо ускорить движение конвейера. Но как? Где кнопка, которую нужно нажать, чтобы водяная лента двинулась быстрее, чтобы воемь огромных машин, которыми оснащен рейд, не сидела на голодном пайке в ожидании бревен? Нет такой кнопки.

Но если нельзя потопорить реку, то давайте будем подгонять лес. Обув, ленивую Обув, выдающую в Каму ниже Керченского поселка, переключили. Там поставили ускорители. Один такой ускоритель изобрел главный инженер Обвинского рейда т. Лабутин. Два маленькие каретки, снабженные зубьями, движутся на тресах вдоль коридора, забитого лесом. Вот моторный перевод рычаг бедки, и каретки, захватив партию бревен, волокут их к машине. Так, раз за разом, им «протасывают» весь коридор. Другой ускоритель, сконструированный Волжско-камским филиалом Научно-исследовательского института лесосава, ставится в воротах, через которые лес проускают в коридоры и сортировочные дворики. Стоит бревну подойти к воротам, как его захватывают шипы круглого металлического барабана и молниеносно проваливают в коридор. А там его уже ждут стальные лапки лабутинских кареток.

На Керченском рейде большой нужды в ускорителях прежде не было. Течение здесь, особенно в начале лета, быстрее. Теперь являлась такая нужда. Время диктует еще большие скорости...

КЕРЧЕНСКИЙ ПОСЕЛОК.
Верхняя Кама

Как это называется?

Полистайте страницы районных газет. Среди множества заметок о наших достижениях мы тешно будем искать сообщения об успехах и победах некоторых честных и передовых советских людей, вполне достойных славы и популярности.

О жителях некоторых наших поселков трудно писать вовсе не потому, что их работа не заслуживает внимания общественности, а потому, что их деятельность протекает в сельные или районные центры Залужье существует не только «Шестой поселок» (самый лучший, новый район города), но и поселки «Старо-Грабарский» и «Ново-Грабарский». Детям приходится объяснять, что это значит, — на новых стройках ведь не бывает грабарей.

Старожилы поселка Уралмаша еще помнят, как сады в их поселке просто расстилывались «на первый-второй», да так, и назывались: сад № 1, сад № 2.

Конечно, есть у нас новые, хорошие названия. Много улиц и городов названы в честь дорогих нам людей и событий.

Уже находят новые принципы наименований — принципы, соответствующие духу нашей эпохи.

В честь труда советских людей («Улица бригады каменщиков»). В честь защитников нашей Родины («Улица зенитчиков» — Ленинград; «Площадь Героев Советского Союза» — Тбилиси, город Гардейск). В память значительней революции («Шоссе энтузиастов»).

Наконец, просто поэтические названия, которых должно быть очень много в наших городах и районах. Такие, как «Улица Северного сияния» (Мурманск) или «Бухта радости» (центр туризма на Московском море).

Но мало, мало таких названий. И много, много названий, которые не ласкают слух и вовсе не радуют жителей.

Обидно жителям! Обидно, потому что красивые их дела и подвиги, красивыми стали сама их жизнь, города, дома, в которых они живут, красоты, возникшие, вероятно, в пыльной фантазии какого-то парского чиновника, — Рожище, Желудок?

К чему так бережно хранить среди названий наших советских поселков названия, возникшие, вероятно, в пыльной фантазии какого-то парского чиновника, — Рожище, Желудок?

Город Пропойск переименован. А село в Горьковской области «Шьянский перевоз», такое же трезвое и работящее, как и все советские села, до сих пор сохраняло свое алкологическое наименование. Почему? Потому что передовые советские люди должны жить на «Меманской»? С «Меманскими» улицами (их в Москве четыре) произошло нечто странное: в свое время их переименовали в «Гражданские», а теперь снова, на новых, замечательных домах красуются таблички: «1-я Меманская», «2-я Меманская», «3-я Меманская»...

ПУТЬ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКА

В списке знатных людей транспорта, приглашенных на завтра Министерством путей сообщения СССР в Москву на празднование Всесоюзного дня железнодорожника, мы прочли: «Инженер Николай Лунина». Инженер? Вся страна знает Николая Лунина — инициатора нового движения на транспорте, получившего название «лунинское», но ведь он — паровозный машинист дело Новосибирск — Томской железной дороги. Да, это именно он, знатный водитель локомотива. Лунина прошел обычный ряд советского человека путь. После войны его назначили начальником паровозного отделения одной из южных магистралей. Без отрыва от производства Лунина окончил Харьковский институт инженеров железнодорожного транспорта имени С. М. Кирова, с отличием защитил диплом и получил звание инженера путей сообщения.

Такой же путь прошел и другой знатный машинист страны, Иван Панин; нынешним летом он успешно окончил Московский электромеханический институт инженеров железнодорожного транспорта имени Ф. Э. Дзержинского. И примерно такой же путь — и высшему и среднему техническому образованию — прошли многие тысячи советских железнодорожников.

Если мысленно предоставить себе карту нашей страны с ее огромной неизменной в мире сетью стальных путей — их протяженность свыше 100 тысяч километров, — то не найдется, пожалуй, на этой карте места,

где бы не было какого-либо специального учебного заведения. Железнодорожники имеют свою академию. 13 институтов, 84 техникума, 152 технических школы и множество начальных, неполных средних и средних школ, в которых учатся сотни тысяч детей железнодорожников! На содержание школьной и дошкольной сети железнодорожного транспорта лишь в нынешнем году отпущено 1 миллиард 128 миллионов рублей — в два с лишним раза больше, чем в довоенном 1940 году.

С каждым годом выше и средние учебные заведения железнодорожного транспорта выпускают все большее число специалистов, — сообщил корреспонденту «Литературной газеты» начальник Главного управления учебных заведений Министерства путей сообщения СССР т. М. Белостов. — Появляются новые факультеты, новые институты. Так, в Москве в прошлом году создан Всесоюзный заочный техникум железнодорожного транспорта. Он имеет в разных городах страны 40 филиалов. Во многих вузах и техникумах созданы заочные и вечерние отделения. Но основная масса железнодорожников учится сейчас в технических школах и на различных курсах. Только в нынешнем году их окончат 150 тысяч человек!

Большая сеть учебных заведений дает возможность самым широким массам железнодорожников получить техническое образование.

Четверть века назад разбили шахтеры Краснодар на болотистом пустыре, через который в сырую погоду нельзя было пройти, болотистый парк. Хорошо принялись деревья, посаженные шахтерами.

Много ли двадцать пять лет для дерева? Только жить начинают. А чего только не видели тополи и клены!

В военные годы через зеленые аллеи парка, через весь город проходила перелом в а я л и н а. Д в а м и р а вышел на борьбу: светлый в своих думах и делах мир советского человека и темный мир фашизма.

Прошли годы. Гуше стали аллеи парка. Отстроили шахтеры свой город. Приветливо белеют домики в оправе зелени. Медленно ползут облака по откосам терриконов. Слово и не было войны.

Нет, была... Ветер шевелит ветви на могиле красноопен-молотовградцев. Серый обелиск. На нем отлитые из металла имена: Олег Ковшов, Ульяна Громова, Сергей Толочин... В ста метрах еще одна могила — захвико зарытых коммунистов-шахтеров. «В беззаветной борьбе за дело Ленина — Сталина они обрели бессмертие», — говорит о них надпись на памятник...

Как в кристалле, взятом от монолитной глыбы, раскрываются структура и свойства вещества, так в познание краснодарских молодогвардейцев раскрылось душевное величие советского человека. И вот уже вышло на строительные леса новое поколение, для которого думы, мысли, дела молодогвардейцев стали неизменным кодексом морали и чести. Это Григорий Алексеев, крепкий, как наваренный победитом зубок его врубной машины; ищущий свое место на первой линии Снежка; поэт-шахтер Скорченко, тысячи и тысячи колхозных подростков Украины, пришедших в Донбасс, на первую линию коммунистического строительства.

Выросли новые герои. Жизнь создала нового, большую, волнующую тему о молодом человеке послевоенной пятилетки; тему, которая ждет своего художника.

НА ПЕРВОЙ ЛИНИИ

1. Два года назад мне довелось ехать из Ворошиловграда в Краснодар. Почти все пассажиры автобуса были подростки 15—16 лет, направлявшиеся из Каменск-Польской области в школы горнопромышленного обучения. Приглянув вплотную к окнам машины, будущие шахтеры смотрели на широкую панораму холмистой, изрезанной оврагами дождевой степи.

Среди обычно шумливой и смешливой, а сейчас притихшей молодежи выделялся темноволосый стройный парень с комсомольским значком на груди и респанцами до того черными, будто вылез он только что из шахты. Не раз, видимо, прочитав комсомолец «Молодой гвардии», и сейчас, по дороге в Краснодар, его расправило от нахлынувших впечатлений.

— Гляди, — говорил он, схватив за руку своего соседа, — по этой дороге ехала Люба Шернова в Ворошиловград. Притих он, как и все его друзья, когда в степи на горизонте возникла вдруг остроконечная пирамида террикона — несменяемого часового неведомой еще сельским подросткам шахты.

Неделю спустя я встретился со своим спутниками в школе ФЗО № 26 при шахте имени «Молодой гвардии». Все они уже были в новеньких синих форменных костюмах, многие успели побывать в шахте. — И совсем ничего страшного, — делились они первыми своими впечатлениями от шахты, хотя, впрочем, не один из них испытывал чувство волнующего напряжения, когда впервые вошел в каземат шахтного подземника и она, вздрогнув, неожиданно пропала, а затем стремительно понеслась в глубь шахты.

Позднее я встретил своих спутников на торжественном собрании, посвященном Дню шахтера. Большой зал краснодарского клуба имени Ленина был переполнен. В первых рядах сидели почетные шахтеры в парадных мундирах, за ними — молодые шахтеры и ученики ФЗО.

Шахтеров пришли приветствовать учителя, врачи, колхозники окрестных сел, пионеры с букетами степных цветов. Когда же с трибуны прозвучали слова обязательство, взятого краснодарцами в письме к первому другу шахтеров — великому Сталину, все встало. И вместе со всем залом долго, изо всех сил рукоплескала ученики ФЗО. Они принимали первое свое обязательство.

Приехал спустя два года в Краснодар, я вспомнил своих старых знакомых, черноглазого комсомольца, который так нетерпеливо искал в дождевой степи след «Молодой гвардии», и пожалел, что не записал их фамилий. Где они сейчас? Как выдержали испытание неведомого шахтерского труда?

В школе ничего не могли мне сказать. За два года было уже четыре выпуска: все работают на окрестных шахтах, многие — на «Молодой гвардии».

И я не нашел заприятельных мне хлопчиков. Да и как узнаешь подростка, которого мигом вывел два года назад? Но я увидел на шахте «Молодая гвардия» их сверстников, земляков, однокурсников.

2. Во всем Краснодарском районе нет угля лучше, чем на шахте «Молодая гвардия». Золото, а не уголь. Беря его из забоев и без всякого обогащения грузят на ковсовые вагоны. Только спасибо скажут. Но взять этот уголек нелегко. Залегают он пластами меньше метра толщиной. Вот и представьте себе подземный коридор в 140 метров длины и 80 сантиметров высоты. Восемьдесят сантиметров!

В такой лодке завоевал себе славу лучшего машиниста врубной машины Краснодарского района член шахтного бюро комсомола Григорий Алексеев.

Нелегко и не сразу дается шахтерская слава. Добывается она тяжелым трудом. Григорий Алексеев пришел из колхоза

на шахту 16-летним подростком, а сейчас это настоящий кадровый шахтер, весь налитый крепкой здоровой силой. Темные волосы аккуратно подстрижены бриком, спокойные карие глаза словно тушью обведены ободком — примета шахтера.

— Пришел я в шахту, — вспоминает Алексеев свое шахтерское крещение, — поставили меня крепить шпек. Работа нелегкая, да только не по мне. Все в забой тянет. Кончу свое дело, бегу посмотреть, как уголек режут. Смотрю, смотрю, и самому попробовать хочется. Говорят мне раз переносчики конвейера: «Помог бы ты нам, Гриша». А я только этого и жду. Став таскать им респанки. Пошло. Перевали меня в переносчики. Наловчился я до того, что один, бывало, все респанки перетану, и мне машинисту помогаю. Заприметил тут мою работу парторг, вызвал к себе и говорит: «Из тебя, Гриша, хороший машинист получится, только учиться надо». Учиться, так учиться. Послали меня на курсы... Вот и рублю уголек.

Скуп да слова шахтер. Спросили его насчет выполнения нормы — прямо не отвечает. Вытанет из кармана расчетную книжечку: смотри, мол, сам.

Шесть тысяч рублей, шесть с половиной тысяч, семь триста...

Алексеев настроенно наблюдает, какое впечатление произвела эти цифры. Видно, мелькнула у комсомольца мысль, что могут принять его за человека, которому «длинный рубль» дорог.

— Это вроде наглядной агитации, — доверительно объясняет он. — На нашей деревни приезжали сюда двое, — специально проверить, что это там наш Гриша делает, почему он, как профессор, зарабатывает. Подошли, посмотрели, и что же выдумаете? — остались на нашей шахте!

Я слушал его и думал: как быстро растет все на благодатной дождевой почве. Давно ли Григорий Алексеев приехал в Краснодар? Давно ли закончил ФЗО? Много ли прошло времени с того дня, когда он невольно схватился обеими руками за

рейку кyeti подъемника, когда впервые опуускался в шахту?

3. Много изменилось на шахте имени «Молодой гвардии» за последние два года. Когда я впервые попал в Краснодар, шахта достраивалась и не выполняла плана, а сейчас в районной сводке стоит в ряду первых. Любо посмотреть, как съезжают шахтеры на парях; треплет мотопилы, пурпур по глине велосипеды. Парторг даже поставил перед администрацией вопрос, чтобы гараж на шахте построили. И в центре всего нового, всего, что движется вперед, — молодой человек пятидесятых годов сталинского века.

Он входит в жизнь, этот молодой человек с неугаимой жаждой больших дел. И до чего же пленительно прекрасно раскрывается его образ здесь, в Краснодаре, на шахте, последней ям «Молодой гвардии», на первой линии строительства послевоенной пятилетки — на угольном фронте.

Познакомил меня Григорий Алексеев с шахтером комсомольцем Снежкой.

Такой уж он, Снежка, — когда знакомился с ним, нечаянно им спрашивали. На одной и другой руке вытатуировано: Павел Снежка. «Грех» этот приключился с ним, как он объясняет, в «доорганizationalный» период жизни. Организованный период начался в детском доме, в рабочем городке Днепродзержинске. Вырос Павел, получил квалификацию слесаря и поехал по назначению работать в МТС.

— Однажды, — рассказывает мне Снежка, — привезли в район афишу... На ней фотографические снимки Краснодара, памятник «Молодой гвардии» и школы, где учат шахтеров. Тут же приглашение директора школы Валько, чтобы, значит, ехать туда учиться. Какой-токой, думаю, это Валько? Его ведь немцы замучили. А все же интересно. Написал письмо. Ответили: сын настоящего Валько из «Молодой гвардии»... Решил ехать. Собралось все 32 человека. И что же выдумаете? — Снежка даже сейчас краснеет от возбуждения, — завезли нас в Алачевск. Шумят ребята, как это так, записывались в Краснодар, почему в Алачевск привезли.

Ничего, говорят, и тут вам хорошо будет. Может быть, и хорошо, а только мы подальше в Краснодар. Добрался-таки, пришел в школу. Опять не то. Вытаскиваю из кармана афишу, — мы ее с собой взяли, — и смотрю — не та школа. А как, спрашиваю, директор фамилия? Опять не та. А где же Валько? Он, говорят, вон в той школе, на второй-бис. Что оно за бис, я еще тогда не знал, а сразу же собрался и, хоть ночь была, дошел туда.

Снежка работает сейчас машинистом электровоза, выполняет положенную ему норму на 200 процентов. Строгий это шахтер. В нагрудном кармане, рядом с комсомольским билетом, лежит список всех 32 ребят, приехавших с ним в Донбасс. На пяти шахтах работают они сейчас. Но Снежка нет-нет и сделает проверку, все ли на местах.

Познакомил меня и с комсомольцем Григорием Скорченко, познакомился, как с передовым шахтером, а разговор вышел совсем на другую тему. Вытащил Скорченко папирос переписанные листы и смущенно попросил прочитать три стихотворения: «Флаг победы», «Русь родная», «Сила».

Ничего не скажете, и сама чувствуетесь в стихах, и мысль, и от самого серпа мдуша любовь к Родине. Но стихи еще неровные, неуклюжие...

Часа два сидели мы на скамейке шахтного двора у Доски почта и разбирали стихотворение «Сила». Молодой шахтер, волнуясь, рассказывал о великой силе, каккая потянула его из родного села с тухлой зарпесой ракетником речкой в Донбасс, в «край, трудом и подвигом кпяищий, куда стремиться вся моя душа», — как написал он в своем стихотворении.

Не послушался парень советов отца и матери, пытавшихся удержать при себе сына, пошел в Донбасс лобывать шахтерскую славу и полубил всем сердцем широкую дождевую степь.

Скорченко рассказал мне, что осенью этого года начнет учиться в рабочей вечерней школе без отрыва от производства, чтобы лучше рассказать людям о славном шахтерском труде.

ЖИВОТВОРНОЕ СЛОВО

Анна КАВАЕВА

Скульптор имеет дело с глиной, мрамором, бронзой. Живописец — с красками и полотном. Мы, писатели, отражаем явления жизни, показываем духовный мир человека, делаем характеры, рисуем пейзажи при помощи единственного материала — слова, нашего родного языка.

Когда «Правда» опубликовала статью товарища Сталина «Относительно марксизма в языкознании» и «К некоторым вопросам языкознания». Ответ товарищу Е. Крашенинниковой, — миллионы советских людей почувствовали, что в жизни нашей науки произошло событие огромного, поворотного значения. Пройдут годы, а впечатления и мысли, рожденные этим гениальным трудом Сталина, не утратят своей свежести, силы и глубины. Все сказанное в этих работах товарищем Сталиным имеет самое живое и близкое отношение не только к науке, но и к литературе, к творческому труду художника слова.

Какой полет воображения и мысли писателя открывает определение товарища Сталина: язык, развивающийся на протяжении многих исторических эпох, язык общенародный, язык, как орудие общения, развития и борьбы, язык, как двигатель культуры, неустанно улучшаемый и обогащаемый вековым опытом народа. Вытаем же внимательно в эти классические ясные указания и определения: ведь это некая программа исследований, которых пока еще нет в нашей науке о языке!

Еще впереди работы наших критиков и литературоведов, работы, которые будут написаны на основе сталинских мыслей. И же ставлю себе скромную задачу — на нескольких примерах показать, как бесконечно дороги и близки душе писателя, как поучительны для него эти новые работы нашего вождя и учителя.

Не раздробленный на классовые языки и диалекты дворянства, буржуазии, крестьянства, рабочих и не подверженный явным «сваривам», внешне не потрескавшийся язык, как говорил академик Марр, а язык общенародный, язык развивающийся, улучшающийся в течение ряда исторических эпох, язык Пушкина, Лва Толстого, Чехова, Максима Горького, язык Ленина и Сталина — вот она, великая сокровищница слова, которая мы обладаем!

Гениальный создатель современного русского литературного языка, Александр Пушкин писал: «Все должно творить в этой России и в этом русском языке». Пушкин с огромной художественной силой показал, на что способен «русский язык, столь гибкий и мощный в своих оборотах и средствах, столь перемичный и общезначительный в своих отношениях к чужим языкам». Гоголь утверждал, что во всех языках мира нет слова, «которое было бы так заманчиво, бойко, так выразительно из-под самого сердца, так бы кипело и живо трепетало, как метко сказанное русское слово».

В статье «О том, как я учился писать» А. М. Горький говорит: «...русский язык неисчерпаемо богат и все обогащается с быстротой поражающей».

Перед писателем — безбрежный океан языка, но он не просто берет слова, а шлет их, отбирает из них именно те, простые, ясные, звучные, которые, как безупречный материал, помогают ему создавать картины жизни и характер героев.

Как полинный властитель над языком, художник передает в мыслях, стремлениях, деяниях своих героев жизнь эпохи, широту и богатство ее идейных, духовных интересов.

Мы, советские писатели, как никто другой на свете, должны обладать исключительно разнообразным, богатым и тонким языком, чтобы передать всю глубину духовного мира человека, которого воспитывает социалистическое общество.

Наш русский язык за тридцать два года бытия советской державы обогатился, очистился от многих устаревших слов и выражений, связанных с невозвратным прошлым.

Вспоминается бытовая картина, виденная мной в одном колхозе в Забайкалье, в Ульяновской области. Внучек-школьник прочел (в книге о «старом времени», как он выразился) выражения: «ваше благородие», «серебряница сивололая», «в беле поивший», «чего изволите», «семишестивейше приказал», «сколмо на скотный двор», — и в полном недоумении попросил объяснить, что они означают. Эти русские слова были непонятны и чужды ему, маленькому советскому гражданину. Он спрашивал и еще о многих непонятных ему словах, а бабушка его, куда какая еще буря, улаженная в колхозе бригадир, наконец, смеясь, призналась: «Да я, милый, сама все эти слова уже давно позабыла!»

Д. ДАНИН

НАЧАЛО ИСКАНИИ

В непрерывном потоке газетных полос и журнальных страниц, тоненьких книжек и журналов томов долго ли затеряться небольшому пучку коротких стихотворений неизвестного начинающего поэта... Однако первые стихи Владимира Федорова, появившиеся однажды в газете, не затерялись: они запомнились. Жизнелюбие было в них через край, что-то юношески непосредственное и очень чистое звучало в их строках. А это всегда воспринимается, как первое проявление таланта.

Начал июня на лесу считать кукушкине кукушки. Миллионы раз делал это для него и будут делать после него, но живущая в его здоровой душе жажда беспредельного долготелья помогла ему сойтись в счете: оказалось, жить ему уму лет: он полумил, а своей жизнью — может быть, ей не так повезло? — и с веселой щедростью предлагает:

Если мало насчитала — Не горюй, Чего уж там! Все, что мне науковала, Мы разделим пополам.

Почти все первые стихи Владимира Федорова возникли так, как и возникают обычно первые лирические стихи: во всем окружающем юноша-поэт легко находит поводы для выражения переполняющих

Выпали также из памяти народа многие областнические и местные речения, которые иногда встречаются разве только у стариков. Не потому ли исчезают из живой речи эти слова, что пребывание их в народном языке было порождено тяжелой жизнью, неграмотностью, узостью интересов?

Как не вспомнить одну из заветных горьковских языковых традиций, оставленных нам советским писателем. Горький настойчиво советовал не увлекаться обманной красоточкой провинциализма. В своей статье «Письма начинающим литераторам» Горький писал, что от этих местных и областных слов «русская речь искажается, вульгаризируется, ее четкие формы пухнут... речь становится менее образной, точной, меткой, более многословной, вязкой, слова весьма часто становятся рядом с смыслом, не включая его в себя». В другом месте Горький возмущенно говорит: «Взбрыкнул, трупились, встопорили, гряднул, буржуалил и десятки таких плохо выдуманных словечек, все это — даже не мякина, и не солома, а вредный сорняк, и — есть опасность, что семена его дадут обильные всходы, засорят наш богатый, сочный, крепкий литературный язык. Автор может возразить: «Такие слова — говорят, а их слышал!» Мало ли что и мало ли как говорят в нашей огромной стране, — литератор должен уметь отобрать для работы изображения словом наиболее живучие, четкие, простые и ясные слова.

Маяковский прекрасно сказал: Извольшь, единого слова ради, тысячи тонн словесной руды.

В живой народной речи сохраняются слова и речения, рожденные подлинно поэтическим видением мира. Помню, до войны, случилось мне на одном колхозном собрании, в качестве иронического замечания на речь одного оратора, услышать такую посылочку: «Не из всякого цветика ягодка, не всякая гташка солонуха». В другой раз одна пожилая колхозница выразилась так: «Годы не уроды, не враги год!» — была бы душа молада! Проворчала я у Дали — и не наша этих словцо. И сколько еще таких действительно поэтических и мудрых народных присказок и посылочек!

Наша партия в лице ее гениев и создателей Ленина и Сталина всегда давала народу высокий пример любви, заботы и бережного отношения к великому русскому языку. Язык произведений Ленина и Сталина — классический образец строгой чистоты, яркой и разносторонней, сжатости, простоты, ясности. И при всем этом какое глубокое знание народной поэтики, мудрых и зорких народных посылочек, метафор, сравнений!

А. М. Горький в своих воспоминаниях о В. И. Ленине пишет: «Первый раз слышал я, что о сложнейших вопросах политики можно говорить так просто». Ленин «не пытался сочинить красивые фразы, а подával каждое слово на ладони, разумительно легко обаяла его точный смысл... Сжатость, законченность, прямота и сила его речи, весь он на кафедре, — точно произведение классического искусства: все есть и ничего лишнего, никаких украшений, а если они были — их не видно, они так же естественно неотделимы, как лезвие глаза на лице, пальцы на руке».

М. И. Калинин в беседе с начинающими авторами сказал: «Вот если бы спросили меня, кто лучше всех знает русский язык, я бы ответил — Сталин. У него надо учиться скупости, ясности и кристальной чистоте языка. Попробуйте изложить коротко какую-нибудь мысль, высказанную Сталиным!»

Новые сталинские труды — животворный пример для всех работников нашей науки и культуры: сколько здесь любви к самолюбию и к своему русскому языку! С восторгом читаешь у Сталина: «Так было, например, с русским языком, с которым специализация в ходе исторического развития языка ряда других народов и который выходила всегда победителем».

Как благородно-патриотична задача ученого — показать исключительную значимость нашего языка перед всеми испытаниями многогрозной нашей истории! Тоттала, жги, разоряй русскую землю печенеги, хазары, монгольские орды, а слово русское, родное, золотое, не ражало, вынесло все, как вынес все трудовой народ — языктворец и борец за честь и свободу Родины.

Три года не прошли даром. Начинаящий поэт упорно стремится нащупать свой творческий путь. Это еще почти незаметно в книжечке, где собраны прежде стихи Федорова, но зато бросается в глаза, когда читаешь цикл «Белгород», объединенный его следствием опыта. Начинаящий поэт стал совсем инициумом — вот главное.

«чувства кипят, а слова капризны, Слова подбирать мучительно, Уж не один карандаш изгрызен он — Тут нету самоучителя!»

Он мог бы сказать больше: уже не только «чувства кипят», но уже просиять в стихи окружающая жизнь, и «раз-

маштерным почерком на бумаге издать нестерпимо хочется» опыт того молодого советского поколения, в котором он сам принадлежит и которое пришло к самостоятельной жизни на исходе войны и после нее; хочется взволнованно рассказывать о делах и надеждах своих сверстников — молодых строителей коммунистической жизни и понять свое место в их содружестве.

Как долго не умели сменить военную форму на рабочую спешку героя А. Мейжирова, С. Орлова, С. Гудзенко! Труден был рост молодых поэтов начальной послевоенной поры. Владимир Федоров, в свое время тоже «кодетый в шинель солдата, прошедший Европу и Азию», начал, однако, формироваться как поэт уже в мирные дни, и, может быть, поэтому то, что было трудно его старшим товарищам, оказалось более легким для него; вспомнившая погибшего друга, он сразу сказал:

Застынем в молчанье строгом. Но властно влечет в дорогу Прекрасных мечтаний вихрь. Простынешь с армейской службой, О будущем думать нужно Тем, кто остался в живых!

И вот он рассказывает о молодой учительнице, впервые пришедшей в школьный класс (что может быть более милого!); рассказывает, как труден для недавней студентки первый шаг на поприще педагога — сколько нужно ума, такта, чуткости, когда перед тобой «зеркалами ребячья лица»:

Как же мы, писатели, должны любить и пропагандировать наш прекрасный, всеобъемлющий, самобытный, красочный, гибкий, многозвучный русский язык-победитель! Как еще мало делается нами в области анализа художественных достоинств произведений нашей советской литературы именно со стороны языка!

Есть у нас еще некоторые писатели, которые полагают, что язык произведения — вещь второстепенная, и забывают о том, что подлинно художественное, правдивое произведение не может быть написанное сорым, скучным, шаблонным языком.

Точно так же ошибаются и те, кто считают, что писатель должен изобретать какой-то «свой язык», не походяй на тот, которым разговаривают простые люди. Не правда это! Чем больше вбирает в себя речь писателя и его героев богатства нашего общенародного русского языка, тем полнее и ярче раскрывается творческая индивидуальность писателя!

О важности анализа языка для развития нашей литературы много и правильно говорилось на XIII пленуме правления ССП. Но интересных работ в этом направлении пока не видно. А они очень нужны...

Ну, давайте пока почитаем! Итак, дорогой критик, вы верно поняли главную идею произведения, вы чутко примечали, какие именно стороны избранной темы больше всего меня, автора, занимают и почему. Вы разобрали архитектуру произведения, внимательно прочли «подтекст» авторской речи. На конкретном разборе целой группы образов вы показали взаимосвязь их мыслей, действий, вы указали на слабые и сильные стороны в их изображении. Наконец, вы определили, что нового и своеобразного внес автор в идейную разработку данной темы. Все это прекрасно, вы добросовестно поработали, но нужно еще... Чего же еще? Поговорим о языке.

Ведь язык художественного произведения не есть что-то сплошное, одинаковое. Авторская речь — одно, диалог — другое, описание событий, столкновений, конфликтов, требующее наибольшей выразительности и динамичности, — третье, пейзаж — четвертое и т. д. Вы соглашаетесь: да, говорим о языке. И сколько полезного о языке узнаю от вас!.. Вы показываете, где именно фраза построена стройно и экономно, а где она рыхла, многословна; какие эпитеты и сравнения связаны с характером и действиями героев, а какие случайны или просто неудачны. Очень тонко разбирали вы, глубокоуважаемый критик, само, так сказать, пальту писателя, т. е. слова и выражения, описывающие человека, человека, взгляд, голос, манеру человека говорить, работать, слова, описывающие город, деревню, лес, степи, море...

Вот видите, даже это бедное перечисление вопросов, интересующих писателя, показывает, что разбор художественных качеств произведения не отделим от языка. Пусть не радуются формалисты, которые всегда оживляются, когда речь заходит о «внешности»: мол, а что мы говорим? — Ничего путного во всяком не говорили; вы занимались усердно «сострашением» слова и всячески отрывали его от жизни, цели и смысла. Вы считали себя «монополистами» в вопросах формы, а на деле оказались полными банкротами в анализе не только содержания, но и формы, которую вы, отрывая от жизни, убивали.

Пушкин чутко уловил «обшежителность» русского языка, словно предвидя его огромное всемирное значение в будущем. Маркс и Энгельс, живо интересующие жизнью России, изучали русский язык. Русская речь, язык великого народа, старшего в братской семье народов Советского Союза, звучит теперь, как гласная мира, свободы и прогресса для всех народов земли. «Мир во всем мире!» — как широко, как песенно, как откровенно звучат эти русские слова! Еще никогда «обшежителность» русского языка не была так велика, как в наш век — век Ленина и Сталина. Поль Робсон вдохновенно исполняет русские песни, знаменитые нешвы и ансамбли стран народной демократии поют по-русски. Русская речь звучит на конгрессах и многотысячных народных собраниях на всех широтах нашей планеты.

...Вот какие мысли и чувства рождаются в душе, когда мы читаем и перечитываем сегодня новые работы нашего вождя и учителя. Каждый видит в них указания, уроки себе и говорит: «А ведь это и для меня написано!»

Такова великая многообъемлющая сила творческого марксизма!

Ю. КАРАСЕВ

Что б ни сделала ты, ни сказала — В тот же миг на них отразится... Он открывает настоящую поэзию в том, как улетает его ровнешице завоевать доверие «глазастых Дим и Люд», и вместе с ним мы радуемся, что

Детской веры росту зеленому В женский праздник стать предназначено «Крымской розы» слякикой граненою. Целым классом купленной вскладчину.

Он рассказывает в своих стихах о «безумном, отчаянном хозяине лесов», мечтающем укрыться сухойей, о студентах-земляках, что через год или два, получив дипломы, «сумчатся в далекие города», о девушке из колхоза, которая замечательно работает на колхозном поле и вольно-весело жалеет на родной земле, о молодых артистах, играющих красноречие, но «способных на подвиг и в жизни, не только на сцене»...

Пульс сегодняшней жизни бьется во всех его новых стихах, живых, энергичных, полных молодой горячностью, набросанных размышлений почерком.

Этот размышлительный почерк — от Маяковского. И вот что интересно и важно: ведь ни стихи «Про кукушку», ни юношеские стихи В. Федорова о войне вовсе не превращали, что именно Маяковский станет для него компасом в поисках самостоятельности. А между тем это произошло. И это замечательно. В нашей поэзии послевоенных лет все возрастаете тяготение к Маяковскому — факт несомненный и закономерный.

Владимир Федоров чужд стремлению только внешне подражать интонациям и приемам учителя, прямому подражательству он отдал самую малую дань — «все

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

Книги, выпускаемые Латвийским государственным издательством, расходятся далеко за пределами Латвии. В этом году издательство получило много писем читателей из Белоруссии, Украины, Казахстана, Эстонии, из других республик и областей страны с просьбой выслать ряд произведений, выпущенных издательством.

Эти просьбы вполне понятны. Латтосиздат выпускает на книжный рынок большое количество книг русских, латышских и западноевропейских классиков, лучшие произведения советских писателей.

В 1950 году продолжается выпуск собрания сочинений Я. Райниса и А. Упита. В седьмом томе сочинений Я. Райниса опубликованы пьесы «Полудеист», «Огонь и ночь», «Гит Вилкс», «Золотой конь». В восьмом томе сочинений А. Упита напечатаны романы «В преддверии грозы» и «Под кованым сапогом».

Латтосиздат выпускает на русском и латышском языках небольшие книжки из серии «Библиотека рассказов». В этом году вышла книжка Вилса Лашиса «Четыре поездки», в которой собраны некоторые рассказы писателя, написанные до 1940 года. Я. Гранта «У истоков реки», Е. Ратнера «Беспокойные люди», И. Лемана «Мать», П. Розита «Товар».

На латышском языке вышла в свет отдельной книгой повесть Анны Броделе «Марта». Ян Судрабали издал сборник «Переключки знамен», в котором собраны публицистические статьи поэта.

Опубликованы новые сборники стихов «От всего сердца» Андрея Валода, «Слово дружбы» Мирдыз Кемпе, «Под солнцем советской Родины» Яна Грота. Большой интерес представляет антология латышской поэзии «По далекому путем родины», в которой представлены произведения латышских поэтов о братстве и дружбе советских народов. Здесь собраны стихи Я. Судрабали, А. Чака, М. Кемпе, А. Валода, Я. Грота, Ю. Ванга, В. Луска, Ф. Рокпеллиса, Я. Плуадина, П. Вилима и других поэтов Латвии.

За последнее время латышские поэты и писатели создали немало стихов и публицистических статей в защиту мира. Издательству следует подумать об издании сборника, отражающего борьбу латышского народа за мир.

К серьезным недостаткам работы издательства следует отнести тот факт, что за прошедшие полгода не вышло ни одной критической и литературоведческой работы.

М. ЗОРИН

Саратовское отделение Союза советских писателей выступило в свет очередную, одиннадцатую, книжку альманаха «Литературный Саратов».

Альманах открывается повестью Б. Неволова «Недра». Это, собственно говоря, переписка: пальму первенства редакция альманаха уступила журналу «Октябрь» и Профиздату.

Внимание читателя привлекут теплые стихи Б. Озерного «Встреча» и «День моих желаний», живое стихотворение С. Козлова «На часовом заводе». Стихи А. Силантьева, посвященные борьбе за урожай и преобразование природы, — несколько описательны. Поэт В. Богатырева выступил в номере со стихами «Расскажи колхозника». В этом же номере альманаха критик Е. Покусаев в рецензии на новую поэму В. Богатырева «Хозяева земли» сделал справедливые замечания о творчестве поэта. — В. Богатырева действительно следует освобождать стих от вычужденности, от «красноречия». Хотелось бы, чтобы мгла у него не просыпала «пригоршни холодных огней», песня не «раздвигала покорную ночь», а «солнца» не было бы «раскаленной лавы» лучей.

В рассказе Г. Боровикова «Ледостав» описан подвиг простого советского человека Ильи Старикова, преодолевшего трудности при спасении колхозного зерна.

В номере опубликованы произведения, поступившие на проведенный в Саратовском литературном конкурсе: юмореска Н. Строкова «Ариадна» и несколько очерков.

Интересна статья члена студенческого научного общества В. Гура «М. А. Шолохов в работе над «Тихим Доном»».

В отделе «Заметки читателя» (очень нужный отдел!) саратовские читатели делают своими впечатлениями о произведениях альманаха, призывая писателей создавать стихи и очерки «об именичине, прошедших в городках и селах за годы советской власти, о знаменитых людях области...» К этому призыву полезно прислушаться и редакция альманаха. В области немало писательских кадров, и это дает альманаху возможность в дальнейшем более полно и ярко отражать на своих страницах жизнь области.

Ю. КАРАСЕВ

Айвор МОНТЕГЮ Гнусная травля друзей мира в Лондоне

Английская молодежь поддерживает Стокгольмское Воззвание о запрещении атомного оружия. На фото — сбор подписей под Воззванием в пригороде Лондона — Хемстед Хите. (Снимок из английского журнала «Чэлленджер»)

События в Корее вызывают у английского общества чувство тревоги и беспокойства. Больше всего оно испытывает страх перед новой войной. Иной говорит, повторяя вслух за газетами: «Их надо остановить». Под словом «их» он подразумевает русских, хотя в Корею нет ни одного русского солдата. Но если ирландец задаст ему вопрос: «Почему же ты не идешь в армию?», он поспешно отвечает: «Кто, я? Ни в коем случае!»

Иногда он говорит: «Плохие новости!» — и лицо его становится мрачным. Но через час он может улыбнуться, вспоминая об этих же самых новостях и подумав о том, что «америкашек» убавят во всю.

Пресса и радио наперебой пичкают читателей и радиослушателей всевозможными рассказами о шпионах и диверсантах. Они пытаются убедить их в том, что корейцы, сражающиеся за свободу родины, являются виновниками агрессии, а американские интервенции, воюющие на расстоянии шести тысяч миль от своей страны, защищают какие-то «священные принципы». Трумэн и Эттан стараются пустить людям пыль в глаза при помощи примитивного блефа. Напелен на себя ворованные шляпы с ярыком «Объединенные Нации», они сами отдают приказы, а затем завылают, разводя руками: «Мы очень сожалеем, друзья. Мы не хотим воевать, но нам приходится подчиняться приказам Объединенных Наций».

И вот на этом фоне Британский комитет сторонников мира созвал вторую всеанглийскую конференцию и организовал массовый митинг в Лондоне, на Трафальг-сквере. Советский писатель Илья Эрнбург был приглашен на эту конференцию.

Консерваторы потребовали в парламенте, чтобы И. Эрнбургу было отказано в праве на въезд в Англию, но лейбористы ответили, что въезд следует разрешить в порядке демонстрации английской «свободы слова».

Лондонские домохозяйки показали отличный пример этой свободы, отказавшись стать в лагерь комитета все больше залы. Даже те женщины, которые обычно представляются для собраний коммунистической партии, оказались недоступными для сторонников мира.

В конце концов конференция состоялась в нескольких малых залах, причем речи передавались через громкоговорители. Для многих делегатов нехватало места. Однако, несмотря на это, присутствовало восемь тысяч человек, представлявших два с половиной миллиона англичан, — в два раза больше, чем в прошлом году. На этот раз здесь присутствовали представители пяти больших профсоюзов, священники, члены местных комитетов сторонников мира и видные общественные деятели.

Газеты собирались игнорировать это событие. Британская радиовещательная корпорация (Би-Би-Си) попыталась умолчать о нем. В ответ на вопросы радиослушате-

лей она живо заявила, что «ей ничто известно о конференции в защиту мира». Однако движение сторонников мира, которое собралось уже в Англии 823.000 подписей против атомной бомбы, игнорировать нельзя. И потому реакционная печать развернула травлю друзей мира.

Митинг, состоявшийся на Трафальг-сквере, был самым грандиозным из всех, происходивших там после окончания войны. Его участники восторженно приветствовали Илью Эрнбурга, как представителя советской общественности. Впрочем, не все вели себя одинаково. Одна старая дама, охотливо выжилая из ума, прислала ему письмо с вопросом, почему он не перит в то, что господь бог защитит его от атомной бомбы.

Британское правительство продемонстрировало Эрнбургу еще одну разновидность «свободы слова». Оно разрешило фашисту из банды Мосли, находившемуся под покровительством четырех польских эмигрантов, в течение нескольких часов выкрикивать оскорбления по адресу Эрнбурга под окнами отеля, где остановился советский писатель.

Писатель Дж. Б. Пристли опубликовал в газете «Рейнольдс плюс» заявление о том, что Эрнбургу следует отправиться обратно в Москву и разговаривать там о мире, а не приезжать для этого в Лондон. Наряду с этим он «сердечнейшим образом» пригласил советского писателя к себе в гости... Это было задумано, безусловно, как лицемерный «дружеский» жест, и я невольно подумал о той странной двойственности, на которую способны ныне англичане.

Яркий пример этой двойственной позиции я наблюдал в 1945 году, когда мои коллеги — английские корреспонденты в Берлине — дружески хлопали по плечу советского генерала, говоря мне при этом, что он и в самом деле «чудесный парень», а затем передавали в Англию по телеграфу жалкие сообщения, которые им услужливо поставляли их приятели-написты, бессовестно клеветавшие на генерала Советской Армии.

Лидер профсоюза горняков Лоутер и «левый» лейбористский министр Битвен выступили против конференции. Газета «Дейли геральд» утратила два столба в передовой статье нападки на И. Эрнбурга. Газета «Дейли мейн» была рекорд жизни, заявив, что грандиозный митинг на Трафальг-сквере «закончился неудачей». В действительности же единственной «помехой» была нагадал выходка жалкой «шпекли» фашистов, которые подбросили записки с угрозами и сломали голову обратившись в бегство, причем 99 процентов присутствующих даже не заметили этой провокации.

В отделе клеветнической кампании, подбитой реакционными газетами, оверстившими всех сторонников мира простыми и советскими агентами и шпионами на их потоки грязи, особенно выделяется пресса газетного короля Кемсли, начавшая травлю против пятнадцатилетней девочки, Джеральдин Чалмерс, выступившей на конференции.

Эти газеты занялись «разоблачением» некоего «заговора красных», пель которого якобы в развращении школьной молодежи. Этот бред был слобрен описанном всевозможных подробностей о семье девочки, болтовней о том, что необходимо бороться с «гоусудственными изменниками» среди представителей молодого поколения, и т. д. и т. д. И все это только потому, что школьница заявила на конференции: «Я не хочу, чтобы во мне воспитывали ненависть к Советскому Союзу, и я не хочу воевать против СССР».

События, происшедшие в эти дни, свидетельствуют о том, что число людей, обеспокоенных политикой лейбористского правительства, желающих запрещения атомной бомбы и окончания войны в Коре, постоянно растет.

Ожесточенная клеветническая кампания, подбитая реакционной прессой, именно тем и объясняется, что поджигатели войны стремятся всеми силами помешать честным людям выразить свою тревогу и заявить о своем намерении оказывать сопротивление.

ЛОНДОН, 28 июля. (По телеграфу)

Ю. КАРАСЕВ

Ю. КАРАСЕВ

Ю. КАРАСЕВ

Ю. КАРАСЕВ

Ю. КАРАСЕВ

Ю. КАРАСЕВ

Ю. КАРАСЕВ

Ю. КАРАСЕВ

Ю. КАРАСЕВ

Ю. КАРАСЕВ

Ю. КАРАСЕВ

Ю. КАРАСЕВ

Ю. КАРАСЕВ

Ю. КАРАСЕВ

Ю. КАРАСЕВ

Ю. КАРАСЕВ

Ю. КАРАСЕВ

Обзор военных действий в Корее

риканской обороны заоблачные инвертенны возлагают большие надежды. Харш указывает: «В случае необходимости эти позиции будут последней линией обороны», имея в виду вынужденную эвакуацию американских войск из Кореи.

Не выражает оптимизма и обозреватель газеты «Нью-Йорк геральд трибун» Липман. Правда, он утверждает, что «самое большее, на что могут в настоящее время рассчитывать Соединенные Штаты в военном отношении, — это на сохранение небольшого передового укрепления вокруг порта Пусан». Но и Липман приходит к заключению, что американским войскам «может быть, не удастся даже удержать в своих руках Пусан».

Военный обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс» Болдуин приходит примерно к такому же выводу. «Нашим планам обороны в периметре Пусана», — пишет он, — угрожает новый кризис... Болдуин не исключает возможности повторения для американцев Дюнкера в Корею.

Новое «кольцо обороны» Макартура уже штурмуют корейские партизанские части. Как передает агентство Юнайтед Пресс, они проникли в расположение американских войск в нескольких милях от Пусана, угрожая американским коммуникациям, связывающим линию фронта с главной базой снабжения инвертеннов. По мере продвижения частей Народной армии в Пусан, партизанские отряды активизируются все более и более.

Военный обозреватель газеты «Дейли компас» Макс Вернер отмечает, что партизанские действия корейских патриотов в районах, расположенных близко от фронта, в сочетании с наступлением регулярных войск дают боковой результат. «Военный эффект партизанской войны подобного рода», — пишет он, — заключается в нанесении ударов по чувствительным местам американской обороны, а психологический эффект сводится к тому, что эта война полна неожиданностей... Такая тактика, указывает в заключение Вернер, «делает северокорейскую армию грозным противником».

Все дороги ведут в Пусан, — так можно определить наступательные действия частей Народной армии Кореи. По трем направлениям — вдоль южного побережья полуострова, по долине реки Нактонган и вдоль восточного побережья — части Народной армии движутся к этой главной американской базе по переброске вооружения и войск в Корею.

27 июля представитель штаба Макартура в успокоительных тонах заявил на пресс-конференции в Токио, что по имеющимся «признакам» американские и южнокорейские войска «упорно удерживают позиции, которые они занимали накануне». Однако сообщения американских корреспондентов с фронтов в Корею резко расходились с этими утверждениями. Корреспондент агентства Ассошиэтед Пресс Эрикссон откровенно признавал, что «события на фронте находятся в резком контрасте с оптимистическими заявлениями штаба Макартура».

Для такого утверждения имелись все основания. Не успели представители штаба Макартура сообщить о стабилизации линии американской обороны, как части Народной армии Кореи предприняли новый бросок на всех участках фронта.

На правом фланге они заняли город Куре и крупный порт Посу (Рейсу) — на полпути между Мокпо и Пусаном. Народная армия, сообщает корреспондент Юнайтед Пресс, «заставила американские войска отступить на позиции, находящиеся в 50 милях от Пусана». Утром 28 июля, как передает английское радио, началось крупное наступление частей Народной армии и на центральном фронте, в районе северо-восточнее Пондона, где действуют американские первая кавалерийская (мотомеханизированная) и 25-я пехотная дивизии. Корреспондент агентства Интернейшнел Ньюс Сервис Хэндиан называет это наступление новой массивной атакой Народной армии, в результате которой американцы отступают к Пусану.

Корреспондент газеты «Присчен сайенс монитор» Харш сообщает, что теперь «оборонительные позиции американцев базируются на дуге длиной в 80 миль вокруг Пусана». На это кольцо новой аме-

риканской обороны заоблачные инвертенны возлагают большие надежды. Харш указывает: «В случае необходимости эти позиции будут последней линией обороны», имея в виду вынужденную эвакуацию американских войск из Кореи.

Не выражает оптимизма и обозреватель газеты «Нью-Йорк геральд трибун» Липман. Правда, он утверждает, что «самое большее, на что могут в настоящее время рассчитывать Соединенные Штаты в военном отношении, — это на сохранение небольшого передового укрепления вокруг порта Пусан». Но и Липман приходит к заключению, что американским войскам «может быть, не удастся даже удержать в своих руках Пусан».

Военный обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс» Болдуин приходит примерно к такому же выводу. «Нашим планам обороны в периметре Пусана», — пишет он, — угрожает новый кризис... Болдуин не исключает возможности повторения для американцев Дюнкера в Корею.

Новое «кольцо обороны» Макартура уже штурмуют корейские партизанские части. Как передает агентство Юнайтед Пресс, они проникли в расположение американских войск в нескольких милях от Пусана, угрожая американским коммуникациям, связывающим линию фронта с главной базой снабжения инвертеннов. По мере продвижения частей Народной армии в Пусан, партизанские отряды активизируются все более и более.

Военный обозреватель газеты «Дейли компас» Макс Вернер отмечает, что партизанские действия корейских патриотов в районах, расположенных близко от фронта, в сочетании с наступлением регулярных войск дают боковой результат. «Военный эффект партизанской войны подобного рода», — пишет он, — заключается в нанесении ударов по чувствительным местам американской обороны, а психологический эффект сводится к тому, что эта война полна неожиданностей... Такая тактика, указывает в заключение Вернер, «делает северокорейскую армию грозным противником».

Американская авиация подвергает варварской бомбардировке гражданское население Северной Кореи и освобожденных районов Юга. На публикуемом нами снимке, взятом из итальянского журнала «Виз нуово», изображены горящие здания в одном из корейских городов, подвергшихся бомбардировке. Только за последние дни американские воздушные пилоты совершили налеты на Пхеньян, Сеул, Вонсан, Кайсен.

Справка

Пусан (Фузан) — крупный морской порт на юго-востоке Кореи и один из самых больших корейских городов (в нем более 300 тысяч жителей) — является важным стратегическим пунктом. Пусан связан с другими городами Кореи тремя железнодорожными магистралями. Это также важный промышленный центр страны, имеющий многочисленные фабрики и заводы.

Июньские милитаристы, проникнув в Корею, использовали пусанский порт в качестве военно-морской базы и перевалочного пункта. Через этот порт японцы вывозили из страны награбленное продовольствие и стратегическое сырье. Через него направляли они в Корею и Манчжурию свои войска для подготовки агрессии против СССР.

После прихода в Корею американские оккупанты также использовали Пусан в качестве военно-морской базы. А с начала вооруженной интервенции — это основной порт, через который поступают американские войска и вооружение, направляющиеся на корейский фронт. Здесь находится главная стоянка американских военных кораблей. Гаубица гавани в Пусане достигает 12 метров. Со стороны материка она защищена горным хребтом, с моря ее прикрывают от ветров гористый остров Чедэдо (Олений), расположенный у входа в бухту и соединенный с материком разводным мостом.

После освобождения Народной армией большинства портовых городов Южной Кореи Пусан остался основным опорным пунктом и базой снабжения американских инвертеннов на полуострове.

Летом 1947 года я впервые увидел послевоенный Берлин. Однообразно серые, точно в одну форму нарядные здания, памятники без темперамента и воображения, прямые, четкие, одна на другую похожие улицы придавали городу скорее вид какого-то гигантского учреждения, чем исторически сложившегося человеческого поселения. В те дни я прочел у Гейне:

«Берлин вовсе не город, Берлин — лишь место, где собирается множество людей, и среди них немало умных, которым все равно, где они находятся; они-то и образуют духовный Берлин. Прозревший чужестранец видит только втиснутые в линию однообразные дома, длинные, широкие улицы, проложенные по шпурку и почти всегда по усмотрению отдельного лица, и не дающие никакого представления об образе мыслей массы».

Мысль Гейне мне показалась тогда чрезвычайно верной, и я даже образовался, что сам пришел к выводу, чрезвычайно напоминающему гейневские. Понаблюдя не более двух месяцев, чтобы убедиться в неверности моей оценки. Берлин, хоть он и молод и не имеет за собой большой исторической жизни и тем более старинный, оказался на самом деле интереснейшим городом, и не только благодаря событиям, в нем происходившим. Жестоко пострадавший в результате войны, он по-прежнему оставался центром страны, ее естественной столицей, ее наиболее значительной гаванью. Расчлененный на секторы, фактически превратившийся в два города с различными системами жизни — франко-англо-американской, где царствуют и поныне биржевой разгул, спекуляция, разврат, шпионаж, провокация, и демократической, где быстро формировались зачатки новой Германии, — Берлин находился как бы в стадии постоянного переселения.

Рестораны, веселые дома, банкирские конторы, коммюнистические боты уходили в английский и американский секторы; культурные учреждения, театры, библиотеки группировались в восточном секторе, который на глазах превращался в духовного гегемона страны. В Доме советской культуры, расположенном рядом с Берлинским университетом, читались лекции о русском искусстве, демонстрировались выставки советской живописи, шли пьесы советских авторов. Была эпоха вопросов. Немцы только и делали, что обо всем спрашивали. За годы фашистской диктатуры они отстали от многого. Жизнь Советского Союза была им совершенно неизвестна. Что такое сталинское движение, министром какого ведомства является сам Стаханов, что такое МТС и почему он обходится машина обработка земли, кто такой Мичурин и в чем суть его учения, какие писатели имеются в СССР и что они пишут, — эти и подобные им вопросы могли быть заданы и на концерте из произведений Чайковского и на просмотре нового фильма.

Книжки советских авторов расхватывались мгновенно, но герои советских книг еще не замахивались назусть. Уже появились первые немецкие фильмы, созданные демократически настроенными режиссерами, первые пьесы, бичующие гитлеризм и намечающие пути возрождения свободной Германии, сотнями возникли кружки по изучению русского языка, и молодежь не только Берлина, но и провинция жадно впитывала в себя то новое, свежее, что входило в ее жизнь с востока. Земельная реформа была уже проведена. Создавались первые сельскохозяй-

Американская авиация подвергает варварской бомбардировке гражданское население Северной Кореи и освобожденных районов Юга. На публикуемом нами снимке, взятом из итальянского журнала «Виз нуово», изображены горящие здания в одном из корейских городов, подвергшихся бомбардировке. Только за последние дни американские воздушные пилоты совершили налеты на Пхеньян, Сеул, Вонсан, Кайсен.

специальный корреспондент «Литературной газеты»

ЖИЗНЬ БЕРЛИНА

Летом 1947 года я впервые увидел послевоенный Берлин. Однообразно серые, точно в одну форму нарядные здания, памятники без темперамента и воображения, прямые, четкие, одна на другую похожие улицы придавали городу скорее вид какого-то гигантского учреждения, чем исторически сложившегося человеческого поселения. В те дни я прочел у Гейне:

«Берлин вовсе не город, Берлин — лишь место, где собирается множество людей, и среди них немало умных, которым все равно, где они находятся; они-то и образуют духовный Берлин. Прозревший чужестранец видит только втиснутые в линию однообразные дома, длинные, широкие улицы, проложенные по шпурку и почти всегда по усмотрению отдельного лица, и не дающие никакого представления об образе мыслей массы».

Мысль Гейне мне показалась тогда чрезвычайно верной, и я даже образовался, что сам пришел к выводу, чрезвычайно напоминающему гейневские. Понаблюдя не более двух месяцев, чтобы убедиться в неверности моей оценки. Берлин, хоть он и молод и не имеет за собой большой исторической жизни и тем более старинный, оказался на самом деле интереснейшим городом, и не только благодаря событиям, в нем происходившим. Жестоко пострадавший в результате войны, он по-прежнему оставался центром страны, ее естественной столицей, ее наиболее значительной гаванью. Расчлененный на секторы, фактически превратившийся в два города с различными системами жизни — франко-англо-американской, где царствуют и поныне биржевой разгул, спекуляция, разврат, шпионаж, провокация, и демократической, где быстро формировались зачатки новой Германии, — Берлин находился как бы в стадии постоянного переселения.

Рестораны, веселые дома, банкирские конторы, коммюнистические боты уходили в английский и американский секторы; культурные учреждения, театры, библиотеки группировались в восточном секторе, который на глазах превращался в духовного гегемона страны. В Доме советской культуры, расположенном рядом с Берлинским университетом, читались лекции о русском искусстве, демонстрировались выставки советской живописи, шли пьесы советских авторов. Была эпоха вопросов. Немцы только и делали, что обо всем спрашивали. За годы фашистской диктатуры они отстали от многого. Жизнь Советского Союза была им совершенно неизвестна. Что такое сталинское движение, министром какого ведомства является сам Стаханов, что такое МТС и почему он обходится машина обработка земли, кто такой Мичурин и в чем суть его учения, какие писатели имеются в СССР и что они пишут, — эти и подобные им вопросы могли быть заданы и на концерте из произведений Чайковского и на просмотре нового фильма.

Книжки советских авторов расхватывались мгновенно, но герои советских книг еще не замахивались назусть. Уже появились первые немецкие фильмы, созданные демократически настроенными режиссерами, первые пьесы, бичующие гитлеризм и намечающие пути возрождения свободной Германии, сотнями возникли кружки по изучению русского языка, и молодежь не только Берлина, но и провинция жадно впитывала в себя то новое, свежее, что входило в ее жизнь с востока. Земельная реформа была уже проведена. Создавались первые сельскохозяй-

венные кооперативы по совместной обработке земли машинами.

Житель Тюрингии или Саксонии, желавший сравнить две линии жизни, два мира, мог, приехав в Берлин, выйти за пределы границ советского сектора, пройти это шагов за Бранденбургские ворота, к рейкстагу, и оказаться на армаре, которую он не мог бы вообразить себе даже во сне.

Воинственные американские офицеры, размахивая руками, обвешанные до плеч часами на золотых и кожаных браслетах, взлезав торговали трофеями. Здесь можно было приобрести «виллис» с пулеметом и запасом патронов к нему, грузовик сигарет, бриллианты, картины, акции, патенты, стрептомицин, кокаин, визу на выезд в любую западноевропейскую страну, справку о пребывании в конлагере, «Мую борбу» Гитлера, а также фашистские знамя или орден. Все шло на-кон. «План Маршалла» в какой-то степени идею родила именно здесь, среди берлинско-американских спекулянтов, прозванных в насмешку «раухманами» — торговцам дымом.

Житель Тюрингии или Саксонии мог бы видеть, как в день Первого мая из западных секторов города в советский штур разрозненные, словно не имеющие отношения одна к другой, группы рабочих и как они в мгновение ока сливаются в могучие колонны в советском секторе.

Берлин был городом, лежащим в двух государствах, и хотя не существовало таможен и часовых на границах секторов, но жизнь очень точно маялась, в зависимости от того, где вы находились в данный момент. Не только другие деньги, но и другие нравы, другая мораль, другие наряды. В западных секторах все как бы пятлилось назад, в восточных — двигалось навстречу будущему.

Уже тогда восточная часть Берлина энергично готовилась к восстановлению. Уборались и расширялись развалины, пустыри огораживались, кое-что ремонтировалось. Большинство уцелевших заводов и фабрик уже работало на полный ход. Некоторые из них были переданы рабочим коллективам.

История создала здесь трудные и вместе с тем выгодные условия для соревнования двух социальных систем. Капитализм и демократический режим жили в тесном соседстве. Тому, кто хотел бы понять, в чем разница между ними, стоило походить по различным секторам города, и все становилось яснее. Однако жизнь Берлина нельзя было назвать легкой. Большие и маленькие шпионы и провокаторы, жулики и проходимцы создавали напряженную атмосферу, превращали город в поле невидимого сражения, где битвы происходили не только на заседаниях Экономического совета или объединенной комиссии, но и в каждом магазине, в каждом кинотеатре, в каждой пивной.

Газету, купленную в восточном секторе, небезопасно было читать в западных секторах. Политическое событие, оценку которого вы только что прочли на Унтер ден Лянден (советский сектор), извращалась где-нибудь на Подсамерштрассе (американский сектор). Новость, услышанная в Восточном Берлине — на Александерплац, отвергалась на западе — в районе Цоо.

Эта сложная, богатая противоречиями жизнь имела, однако, одну положительную сторону, — она оказалась для берлинцев отличной политической школой.

В 1947 году в восточном секторе Берлина было еще много развалин, хотя в первый же послевоенный год было восстановлено шесть тысяч квартир, пятьдесят пять зданий из учреждений, сто восемьдесят торговых предприятий, семь больниц, двадцать семь школ, десять кинотеатров и заново покрыто асфальтом шестнадцать тысяч квадратных метров берлинских улиц. Во втором послевоенном году темпы восстановления выросли. Было введено в строй двести двадцать девять зданий и заасфальтировано пятьдесят девять тысяч квадратных метров. Приехав же в Берлин в 1949 году, я даже не стал наводить справки о размахе восстановления. — не было улиц в советском секторе, где бы что-то не ремонтировалось. В 1950 году в Германской демократической республике будет выстроено 537 начальных, средних и специальных школ, а на строительство домов культуры при машинно-прокатных станциях ассигновано 8,5 миллиона марок.

Уже в прошлом, четвертом послевоенном году Восточный Берлин трудно было узнать тому, кто видел его в 1945-м. Увеличилось количество магазинов, и сами магазины заметно увеличались, жизнь резко поменялась, улицы обогатились автомобилями. Темп жизни явно становился стремительным. Образование Германской демократической республики и историческая телеграмма товарища И. В. Сталина Вильгельму Пика и Отто Гротеволлу придали восстановительному порыву еще больший размах и глубину. Под Стогольским Возвзанием стояло свыше 16 миллионов податней жителей демократической Германии.

Восточная часть Германии со столицей единого демократического государства Берлином привлекает к себе внимание жителей западных зон. Переселение из западных зон Германии, в сущности говоря, идет ежегодно в течение ряда лет. Переселяются ученые, рабочие, студенты. Да и как же не переселяться, если, например, в Мюнхене только за последние полгода покончили с собой 13 безработных врачей, а в Гамбурге за 9 месяцев — 29 врачей.

На Первом мая этого года одну лишь Тюрингию посетило больше десяти делегаций из Западной Германии, а в берлинской первоймайской демонстрации участвовали многие сотни представителей Гамбурга, Мюнхена, Нюрнберга, Штутгарта.

Мало того, дети безработных рабочих из английской зоны отыкают на народном

курорте Оберхоф, в Тюрингии. Таким образом, демократический уклад жизни на востоке Германии становится известным не ее западе не только по литературе.

Огромную роль в восстановлении национального хозяйства Германии играет движение активистов производства, которые сами немцы с гордостью считают рождением стахановского движения. Одна лишь земля Саксония — Ангальт насчитывает 21 тысячу активистов. Шахты Саксонии, заводы Бранденбурга, Тюрингии и Восточного Берлина в 1950 году резко расширили свои производственные планы.

По примеру Советского Союза, в Германской демократической республике учреждены Национальные премии. Пост Иоганнес Бехер и шахтер Адольф Хеннеке — первый стахановец Германии — оба лауреаты Национальной премии, вместе с Бергартом Келлерманом и другими выдающимися деятелями германской культуры. Политический и хозяйственный опыт Советского Союза, примененный в республике, творит настоящие чудеса. Освоить этот опыт и использовать его особенно энергично стремится молодежь. «Союз юных пионеров» объединяет более миллиона детей. Тага молодежи к изучению жизни Советского Союза огромна. Интересы необычайно разнообразны.

Едва появились в нашей печати сообщения об опытах советского токаря Павла Выбова по скоростной резке металла, как немецкие активисты перенесли эти опыты к себе. Приезжав в демократическую республику сталева Журавлев, — и активисты металлургического завода «Мас-Хитте» в Унтервельдерборне приглашают его поделиться с ними своими достижениями, и Журавлев дает советы по улучшению качества стали, рассказывает об усовершенствовании технологического процесса. Возвращается из Москвы после поездки на Первой заслуженный врач республики Хельга Виттбродт и выступает с докладом о советском здравоохранении.

— Больница имени Боткина, — говорит она, — лучшая больница, которую мне пришлось видеть в своей жизни. СССР — родина счастья.

Инженер д-р Кривер, осматривший в Москве строительную выставку, выступит с рефератом, в котором предлагает перенести, исходя из московского опыта, ряд принятых в немецкой строительной практике положений.

На первом заседании Мичуринского общества при Ростоковском университете в Мекленбурге является крестьянин Говениц и выражает желание изучать труды Мичурина и Лисенко. Это — новое. В Бранденбурге тридцать предприятий города и района сообщают участвуют в строительстве крупнейшего в республике сталелитейного завода. Это тоже новое. Этого тоже не было.

Когда с прокатного завода цветных металлов в Теттхейке трое грузчиков отравились на слет молодежи в Берлин, их смена взялась выполнять нормы уезжающих. Это ли не новое? Оно чувствуется всюду — и в движении машинистов-пятиступников, и в погоне сельских агробиологов, создающих деревенские лаборатории, и в любви к советской массовой песне, которая слышится здесь повсюду. Мы знаем: что она звучала здесь не так давно. Тем приятнее, что ее голос оказался наиболее сильным.

В дни общегерманского слета молодежи польский летчик ансамбль исполнял в Берлине танец «Отдых в Крыму», навеянный пребыванием группы польских ребят в Аутеке.

Немецкие дети, глядя на танец, по-настоящему любили.

— А когда мы подем в Артек? — хором спрашивали они у своих руководителей. У них и сомнений не возникало в том, что они непременно побывают в этом замечательном месте.

Быть может, наиболее трогательным из всего того, что мне довелось увидеть в Берлине в дни молодежного слета, было нечаянное выступление в эстраде мальчугана лет десяти. Дело было на площади Густав-Адольф-плац в присутствии Государственного ансамбля народного танца Союза ССР под руководством Игоря Моисеева. Десятки тысяч людей стояли плечом к плечу. Многие были лишены возможности аплодировать, нельзя было поднять рук. Мальшуган лет десяти, не дожидаясь, пока мать разглядит его, наклонил к себе микрофон и крикнул, не смущаясь тем, что он находился в окружении малознакомых ему русских людей:

— Мама, я здесь!.. Мне тут очень хорошо!

Под шумные аплодисменты оратора в один миг передал по рукам матери. Ну, если ему хорошо, значит все — правильно. БЕРЛИН

А. ЕЛИСТРАТОВА

ПРОИЗВЕДЕНИЯ, ВЫДВИНУТЫЕ НА СОИСКАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРЕМИИ МИРА

Путь в лагерь мира

Литература, борющаяся за мир во всем мире, пополнилась еще одним значительным произведением. Это новый роман талантливого английского писателя Джеймса Олдриджа «Дипломат».

Олдридж хорошо известен советским читателям как художник, чутко и смело откликающийся на основные вопросы современности. В своих романах «Дело чести» и «Морской орел» он одним из первых и немногих английских писателей показал предельную роль британского военного командования в Греции и создал образы греческих патриотов — участников народно-освободительного антифашистского движения. В комедии «49-й штат» Олдридж обнаружил незаурядную проницательность и сатирическое мастерство в изображении бесславной участи маршаллизованной Великобритании, выходящей своими оборонившимися лейбористскими правительствами до уровня жалкого сателлита американского империализма.

Лучшие черты писательского дарования Олдриджа — демократизм, глубочайшая жизненность и сатирическая острота — присущи и его новому роману.

Действие «Дипломата» разворачивается в Советском Союзе, в Иране и в Англии зимой 1945/46 года. Сюжет романа вымышлен, но и лица и события, описанные Олдриджем, как нельзя более типичны для характеристики внешней политики послевоенной Англии.

Содержание романа в высшей степени злободневно. По словам самого романиста, он вложил в это произведение «своего себя», весь свой богатый опыт политического журналиста, всю страстность активного борца за мир. Олдридж воспроизводит яркую картину борьбы бесчужащихся политических лагерей войны с несокрушимыми силами сторонников мира, возглавляемых Советским Союзом. На живом примере своего главного героя, молодого шотландского геолога Мак-Грегора, которого режиссия тишею пытается сделать своим агентом, он показывает, как логика фактов, логика самой жизненной правды приводят в наше время всех честных людей в лагерь защитников мира.

«Эта книга — беспощадное разоблачение методов и целей британской дипломатии и той беззащитной клеветы, на которую она не скупится, когда дело касается России», — пишет о «Дипломате» секретарь английской компартии Гарри Полит. — Она может внести большой вклад в дело борьбы за мир и национальную независимость».

В центре романа — история одной из антифашистских дипломатических провокаций лейбористского правительства. Подъем народно-освободительного движения в Иранском Азербайджане, угрожающий хищническим интересам британских монополий, заговорщики против мира пытаются использовать как предлог для антифашистской клеветы и вмешательства в дела Ирана. С этой целью они в романе направляют в Москву дипломатическую миссию, руководителем которой поручено махровому консерватору лорду Эссексу. Олдридж создает унылый, сатирический портрет этого матерого диверсанта и заговорщика, «дипломата в белых перчатках, от которых пахнет пороком», как писал о нем полковник Назым Хикмет. Советское правительство легко разгадывает сущность дипломатических претензий лорда Эссекса и дает им решительный отпор. Олдридж убедительно показывает, что Советский Союз тверд и непоколебим в своей политике борьбы за мир и демократию во всем мире.

Позорному краху дипломатической авантюры лорда Эссекса способствует и раскол, происшедший в составе самой его миссии. Неожиданно для Эссекса провозглашая им политика встречает сопротивление со стороны его помощника, Мак-Грегора, прикомандированного к делегации в качестве специалиста по иранским вопросам. Этот герой Олдриджа воплощает в себе стремления простых людей, сторонников мира и демократии, чья интерес в корне противоположен интересам правящей клики Великобритании.

Сын шотландского ученого-геолога, прошедший детство и юность в Иране, где многие десятилетия работал его отец, Мак-Грегор с сочувствием и уважением относится к порабощенному народу Ирана. Считая себя далеким от политики, он не

разу разбирается в действительном характере дипломатической миссии лорда Эссекса. Но уже вскоре после прибытия в Москву, очутившись в британском посольстве, где царит атмосфера нескрываемой враждебности к Советскому Союзу и свободолобивым народам всего мира, Мак-Грегору испытывает возрастающие сомнения в существовании возложенных на него задач. Он обнаруживает, что посольство, в котором он находится, представляет собой притон людей, плетущих сети заговора против дела мира. Он убеждается, что руководители посольства и его пытаются вовлечь в этот преступный заговор: ему, как специалисту-геологу, пытаются навязать собрание шпионских сведений относительно данных геологической разведки в СССР. Мак-Грегору отвергает это «задание», несмотря на угрозы.

Эссекс, потеряв полный крах в своих попытках шантажировать советское правительство, отправляется в Иран для «выяснения на месте» положения в Иранском Азербайджане. Мак-Грегору видит, что британские дипломаты используют разрешение на въезд в Иранский Азербайджан для организации диверсий и заговоров против народов Среднего Востока. Он убеждается в том, что под прикрытием лицемерных фраз о защите «демократии» английский империализм беззастенчиво вербует себе на службу все самые развращенные и реакционные элементы каждой страны, в том числе и в первую очередь бывших агентов германского фашизма. Неоднократно затрагивая в романе «больной» вопрос об англо-американских противоречиях в странах Среднего Востока, Олдридж показывает глазами своего героя, как слабейший британский империализм, спасая распадающуюся Британскую империю, вынужден идти на сделки с империализмом США. С возмущением слышит Мак-Грегору наглое заявление Эссекса — «лучше пеловать доллар», чем допустить развитие освободительных движений в колониальных странах, угрожающее основам Британской империи. «Не презирайте англичан за политические интриги их министров», — говорит курду Селиму Мак-Грегору, вынужденный сказать правду о позорной роли британской дипломатии.

Кульминационный пункт романа связан с событиями, разворачивающимися в Лондоне по возвращении миссии лорда Эссекса. После провала миссии в Москве британское правительство намеревается, все еще пытаясь обмануть общественное мнение относительно действительного значения освободительного движения в Иранском Азербайджане, ввести вопрос о мнимом вмешательстве СССР в дела Ирана на рассмотрение Совета Безопасности ООН. Выступление по этому поводу поручается Эссексу. После внутренней борьбы Мак-Грегору принимает решение, требующее от него немалого гражданского мужества. Он публикует в газете письмо, где разоблачает действительные цели провокационной дипломатической миссии Эссекса и те методы, которыми она действовала.

Мак-Грегору платится дорогой пеней за свой поступок. Он уволен со службы без права поступления на какую-либо государственную должность. Реакционная печать шельмует его как изменника, предателя «отечества». Но он уже не тот человек, каким был в начале романа. Кабинетный ученый, наивно полагающий, что мир науки в современном обществе может быть независим от мира политики, уступил место гражданину, борю, который принимает к прогрессивному лагерю, чтобы отдать свои силы борьбе за мир, за демократию.

Жизненный путь Мак-Грегора, таким образом, в основе своей безусловно типичен, хотя читатель романа и вправе положить, что эволюция героя происходит слишком обособленно, замкнуто и что роман не показал более широкой силы, борющейся за мир в современном мире, в том числе и в самой Англии. Мак-Грегору в романе Олдриджа до конца остается в своей борьбе против дипломатических заговоров и провокаторов войны изолированным одиночкой, действующим на свой страх и риск.

Несколько поверхностным покажется советскому читателю и изображение Москвы 1945—1946 гг., увиденной глазами Мак-Грегора.

Но при всех этих недостатках главным, ведущим в романе Олдриджа является его реалистическая тенденция. Олдридж реалист одерживает победу и в сатирическом изображении дипломатов-провокаторов, поджигателей новой войны, и в правдивом и наглядном раскрытии того решающего факта нашего времени, что место каждого честного человека — в рядах борцов за мир.

Прогрессивные демократические круги Англии оценили по достоинству разоблачительное значение книги Олдриджа и ее воспитательный смысл. Английский комитет защиты мира выдвинул роман Олдриджа на соискание Международной премии мира.

Литература, борющаяся за мир во всем мире, пополнилась еще одним значительным произведением. Это новый роман талантливого английского писателя Джеймса Олдриджа «Дипломат».

Олдридж хорошо известен советским читателям как художник, чутко и смело откликающийся на основные вопросы современности. В своих романах «Дело чести» и «Морской орел» он одним из первых и немногих английских писателей показал предельную роль британского военного командования в Греции и создал образы греческих патриотов — участников народно-освободительного антифашистского движения. В комедии «49-й штат» Олдридж обнаружил незаурядную проницательность и сатирическое мастерство в изображении бесславной участи маршаллизованной Великобритании, выходящей своими оборонившимися лейбористскими правительствами до уровня жалкого сателлита американского империализма.

Лучшие черты писательского дарования Олдриджа — демократизм, глубочайшая жизненность и сатирическая острота — присущи и его новому роману.

Действие «Дипломата» разворачивается в Советском Союзе, в Иране и в Англии зимой 1945/46 года. Сюжет романа вымышлен, но и лица и события, описанные Олдриджем, как нельзя более типичны для характеристики внешней политики послевоенной Англии.

Содержание романа в высшей степени злободневно. По словам самого романиста, он вложил в это произведение «своего себя», весь свой богатый опыт политического журналиста, всю страстность активного борца за мир. Олдридж воспроизводит яркую картину борьбы бесчужащихся политических лагерей войны с несокрушимыми силами сторонников мира, возглавляемых Советским Союзом. На живом примере своего главного героя, молодого шотландского геолога Мак-Грегора, которого режиссия тишею пытается сделать своим агентом, он показывает, как логика фактов, логика самой жизненной правды приводят в наше время всех честных людей в лагерь защитников мира.

Литература, борющаяся за мир во всем мире, пополнилась еще одним значительным произведением. Это новый роман талантливого английского писателя Джеймса Олдриджа «Дипломат».

Олдридж хорошо известен советским читателям как художник, чутко и смело откликающийся на основные вопросы современности. В своих романах «Дело чести» и «Морской орел» он одним из первых и немногих английских писателей показал предельную роль британского военного командования в Греции и создал образы греческих патриотов — участников народно-освободительного антифашистского движения. В комедии «49-й штат» Олдридж обнаружил незаурядную проницательность и сатирическое мастерство в изображении бесславной участи маршаллизованной Великобритании, выходящей своими оборонившимися лейбористскими правительствами до уровня жалкого сателлита американского империализма.

Лучшие черты писательского дарования Олдриджа — демократизм, глубочайшая жизненность и сатирическая острота — присущи и его новому роману.

Действие «Дипломата» разворачивается в Советском Союзе, в Иране и в Англии зимой 1945/46 года. Сюжет романа вымышлен, но и лица и события, описанные Олдриджем, как нельзя более типичны для характеристики внешней политики послевоенной Англии.

Содержание романа в высшей степени злободневно. По словам самого романиста, он вложил в это произведение «своего себя», весь свой богатый опыт политического журналиста, всю страстность активного борца за мир. Олдридж воспроизводит яркую картину борьбы бесчужащихся политических лагерей войны с несокрушимыми силами сторонников мира, возглавляемых Советским Союзом. На живом примере своего главного героя, молодого шотландского геолога Мак-Грегора, которого режиссия тишею пытается сделать своим агентом, он показывает, как логика фактов, логика самой жизненной правды приводят в наше время всех честных людей в лагерь защитников мира.

Литература, борющаяся за мир во всем мире, пополнилась еще одним значительным произведением. Это новый роман талантливого английского писателя Джеймса Олдриджа «Дипломат».

Олдридж хорошо известен советским читателям как художник, чутко и смело откликающийся на основные вопросы современности. В своих романах «Дело чести» и «Морской орел» он одним из первых и немногих английских писателей показал предельную роль британского военного командования в Греции и создал образы греческих патриотов — участников народно-освободительного антифашистского движения. В комедии «49-й штат» Олдридж обнаружил незаурядную проницательность и сатирическое мастерство в изображении бесславной участи маршаллизованной Великобритании, выходящей своими оборонившимися лейбористскими правительствами до уровня жалкого сателлита американского империализма.

Лучшие черты писательского дарования Олдриджа — демократизм, глубочайшая жизненность и сатирическая острота — присущи и его новому роману.

Действие «Дипломата» разворачивается в Советском Союзе, в Иране и в Англии зимой 1945/46 года. Сюжет романа вымышлен, но и лица и события, описанные Олдриджем, как нельзя более типичны для характеристики внешней политики послевоенной Англии.

Содержание романа в высшей степени злободневно. По словам самого романиста, он вложил в это произведение «своего себя», весь свой богатый опыт политического журналиста, всю страстность активного борца за мир. Олдридж воспроизводит яркую картину борьбы бесчужащихся политических лагерей войны с несокрушимыми силами сторонников мира, возглавляемых Советским Союзом. На живом примере своего главного героя, молодого шотландского геолога Мак-Грегора, которого режиссия тишею пытается сделать своим агентом, он показывает, как логика фактов, логика самой жизненной правды приводят в наше время всех честных людей в лагерь защитников мира.

С 25 июля 1950 года

«ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА»

выходит вместо двух раз три раза в неделю — по вторникам, четвергам и субботам.

Подписная плата устанавливается на 5 месяцев . . . . . 26 руб. 4 месяца . . . . . 20 руб. 80 коп. 1 месяц . . . . . 5 руб. 20 коп.

В связи с этим по ранее оформленной подписке «Литературная газета» будет высылаться: подписавшимся до конца года — до 5 ноября и подписавшимся до 1 октября — до 6 сентября.

Дополнительная подписная плата принимается местными отделами «Союзпечати», отделениями и агентствами связи.

Подписка на «Литературную газету» принимается в городских и районных отделах «Союзпечати», в отделениях и агентствах связи.

Главный редактор К. СИМОНОВ.

Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. НОВИКОВ, Н. ПОГОДИН, Б. РЮРИКОВ (зам. главного редактора), П. ФЕДОСЕЕВ.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: 2-й Об庸енский пер., 14 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — Г 6-47-41, Г 6-31-40, отделы: литературы и искусства — Г 6-43-29, внутренней жизни — Г 6-47-20, международной жизни — Г 6-43-62, науки — Г 6-39-20, информации — Г 6-44-82, писем — Г 6-38-60, корреспондентской сети — Г 6-44-48, издательство — Г 6-45-45.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 6.

Б 02431.